

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.238

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-14

Зиновьева Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского процессуального и
трудового права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: zinovieva-dialog@mail.ru

Zinovieva, Olga P.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Procedure and Labour Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: zinovieva-dialog@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОДЕРЖАНИЯ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКОВ

ON SOME ASPECTS OF MAINTENANCE OF THE COMMON PROPERTY OF COTTAGE COMMUNITIES

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы изменения законодательства, регулирующего порядок строительства малоэтажных жилых комплексов, определены особенности регулирования имущественных отношений в созданных до внесения изменений коттеджных поселках. Автором рассмотрены вопросы, возникающие в связи с отсутствием последовательного правового регулирования этого вопроса в законодательстве, указано на возможные злоупотребления в этой сфере, поставлен вопрос о необходимости решения указанной проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: малоэтажные жилые комплексы; коттеджные поселки; общее имущество коттеджных поселков; содержание общего имущества.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зиновьева, О. П. О некоторых аспектах содержания общего имущества коттеджных поселков [Текст] / О. П. Зиновьева // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 107–112. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-14.

ABSTRACT. The article analyses the changes in legislation governing the construction of low-rise residential complexes, determines the specific features of property relations regulation in the cottage communities established before the introduced legal changes. The author approaches a problem arising from the lack of consistent legal regulation of this issue in the legislation, points out the possible irregularities in this area, raises the question of the problem solution necessity.

KEYWORDS: low-rise residential complexes; cottage communities; common property of cottage communities; maintenance of common property.

FOR CITATION:

*Zinovieva, O. P. Interest in the Ownership of a Farmland as a Community Property [Text] / O. P. Zinovieva. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 107–112 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-14.*

Важность реформы индивидуального жилищного строительства в РФ сложно переоценить. Этому вопросу всегда уделялось пристальное внимание, поскольку малоэтажное строительство играет значимую роль в развитии страны как социального государства.

1 марта 2022 года вступил в силу Федеральный закон от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] (далее – ФЗ № 476-ФЗ), распространивший положения об участии в долевом строительстве многоквартирных жилых домов на строительство индивидуальных жилых домов в границах территории малоэтажного жилого комплекса (далее также – коттеджных поселков) со всеми вытекающими из этого последствиями. Цель указанных поправок заключалась в обеспечении более высокого уровня защищенности лиц, приобретающих индивидуальные дома в коттеджных комплексах. Думается, что поставленные законодателем задачи будут достигнуты, поскольку строительство жилых объектов с использованием эскроу-счетов способно предоставить его участникам очень высокую степень защиты.

Вместе с тем закономерным последствием введения в действие новых законоположений станет положение, при котором правовое регулирование отношений в сфере управления общим имуществом коттеджных поселков будет зависеть от способа создания поселка – по правилам законодательства о долевом строительстве, то есть с использованием механизма эскроу-счетов [8] или нет. Для удобства дальнейшего рассмотрения назовем второй вид коттеджных поселков, то есть поселков, созданных не по правилам долевого строительства (правилам проектного финансирования), «классическим».

Несмотря на многолетнюю практику коттеджного строительства, в отечественном законодательстве отсутствовало последовательное регулирование отношений, связанных с управлением имуществом общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой (далее – общее имущество), что не могло не вызвать заслуженной критики [2; 4]. При этом законодательство, регулирующее отношения по управлению общим имуществом в

многоквартирных домах, имуществом общего пользования в пределах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, часто применялось по аналогии [5]. На протяжении длительного периода времени суды, рассматривая споры о взыскании расходов на содержание общего имущества в коттеджных поселках [1], ссылались на положения ГК РФ, ЖК РФ, Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме [7]. Эта практика существовала до тех пор, пока не стало очевидным, что благодаря такому подходу у организаций-взыскателей, взявших на себя функцию управления общим имуществом коттеджного поселка (далее – управляющих организаций), появились широкие возможности для злоупотребления.

Не оспаривается тот факт, что собственники участков в коттеджных поселках, как и собственники помещений в многоквартирных домах, обязаны нести расходы на содержание общей инфраструктуры независимо от фактического использования этого имущества, членства в некоммерческой организации, управляющей общим имуществом, факта заключения договора с управляющей компанией. Обратное не позволило бы обеспечить нормальное функционирование таких комплексов, гарантировать удовлетворение текущих потребностей его жителей.

Вместе с тем безусловное удовлетворение всех требований управляющих организаций о взыскании задолженности по уплате коммунальных и иных платежей без учета специфики функционирования коттеджных поселков существенно нарушает баланс интересов сторон. Факторами, создающими потенциальную возможность злоупотребления, являются отсутствие индивидуализации границ поселка, неопределенность состава и субъектной принадлежности общей инфраструктуры, необходимой для обеспечения потребностей его жителей. В своей совокупности указанные обстоятельства могут влиять на обоснованность размера взносов на содержание общего имущества и прозрачность методики расчетов.

Отношения по поводу общей собственности в многоквартирных домах намного проще – если для них установлен закрытый перечень общего имущества (ч. 1 ст. 36 ЖК РФ), введен режим долевой собственности, возникающий

в силу закона, не требующий самостоятельной государственной регистрации, не подлежащий отчуждению отдельно от квартиры в указанном доме, то в отношении общего имущества коттеджного поселка таких правил нет. И как бы мы не стремились применить эти нормы по аналогии к регулированию отношений собственности в «классических» коттеджных поселках, сделать это не получится. На это существует ряд объективных причин, связанных со спецификой организационных отношений в «классических» жилых комплексах. Во-первых, собственник инфраструктуры и собственники коттеджей в таких поселках – это разные субъекты. Как правило, инвестор (застройщик поселка), продав земельные участки для индивидуального жилищного строительства, оставляет за собой право на объекты общей инфраструктуры. Как уже понятно, долевая собственность жителей на общее имущество такого поселка невозможна. Это обусловлено изначальной принадлежностью общего имущества коттеджного поселка третьим лицам и пространственной обособленностью такого имущества, допускающей отчуждение такого общего имущества отдельно от индивидуальных домовладений, на что ранее уже указывал Конституционный суд РФ [9]. Во-вторых, перечень включенных в состав общего имущества поселка объектов не определен ни нормативно, ни фактически и зависит от усмотрения и воли собственника указанного имущества (в отличие от ситуации, когда в соответствии с законодательством о долевом строительстве общее имущество поселка индивидуализируется в проекте планировки и межевания территории и проектной декларации). Третья причина производна от первых двух – объекты общего пользования «классических» жилищных комплексов не обременены обязательством собственника по их целевому использованию. Собственник общего имущества имеет право вывести отдельные объекты из состава общего имущества, продать, обременить правами третьих лиц, демонтировать, совершить иные действия вразрез с интересами жильцов.

Именно эти особенности режима общего имущества «классических» поселков стали причиной недавнего спора о порядке содержания указанного имущества, разрешенного высшими судебными инстанциями. Причиной

обращения в суд стало в том числе и то, что, с одной стороны, бремя содержания имущества несет его собственник, следовательно, обязанность по содержанию инфраструктуры коттеджного поселка не может быть возложена на третьих лиц (владельцев коттеджей). Вместе с тем, по мнению Конституционного суда РФ, с целью соблюдения баланса интересов, указанные лица в силу пользования указанными объектами обязаны компенсировать собственнику стоимость тех благ, которые они извлекли из пользования объектами общей инфраструктуры [10]. Таким образом, исполнение обязанности собственников индивидуальных домов по несению расходов на содержание общего имущества, по мнению суда, не может быть поставлено в зависимость от нахождения его в собственности другого лица.

В этой связи Конституционный суд РФ указал [10] ряд критериев, позволяющих оценить законность взыскания расходов на содержание общего имущества при отсутствии договора с управляющей организацией. Во-первых, должна быть учтена необходимость соответствующих услуг для надлежащего содержания имущества общего пользования. Такие расходы должны отвечать критерию разумности и обеспечивать баланс интересов владельцев индивидуальных домов и собственника инфраструктуры поселка. Во-вторых, обязательность решений, принятых общим собранием собственников по вопросам указанной платы, должна быть обеспечена гарантиями всех собственников на участие в таких собраниях. В-третьих, должны иметься механизмы, позволяющие собственнику осознанно возложить на себя обязанности по содержанию одновременно с приобретением права собственности на домовладение.

В этой связи следует признать, что подход, отрицающий возможность применения законодательства о содержании общего имущества собственников в многоквартирных домах к коттеджным поселкам, верен. Недопустимо вести речь об аналогии закона в ситуации, когда сущность правоотношений так сильно отличается. Складывающаяся в настоящий момент судебная практика больше не признает безусловную аналогию закона без оглядки на указанные выше отличия. Ведь одно дело – возложить на собственника индивидуального коттеджа обязательство по покосу травы, совсем другое

– обязать его обустроить и содержать водоем с золотыми рыбками, собственный парк и яхт-клуб. Очевидно, что во втором случае размер взноса будет зависеть класса поселка и амбиций управляющей компании.

Думается, что первым шагом к урегулированию вопроса имущественных отношений в коттеджных поселках и стало принятие ФЗ № 476-ФЗ, которым было установлено правовое регулирование строительства индивидуальных жилых домов в границах территории малоэтажного жилого комплекса в случае привлечения денежных средств по договору участия в долевом строительстве – так называемого «нового вида» коттеджных поселков. При этом был подробно урегулирован порядок определения состава общего имущества малоэтажного жилого комплекса, момент возникновения права собственности на него, порядок перехода этих прав от застройщика к собственникам индивидуальных жилых домов (коттеджей). В соответствии со статьей 4 ФЗ № 476-ФЗ определен состав общего имущества собственников индивидуальных жилых домов, установлено, что одновременно с передачей застройщиком прав на индивидуальный жилой дом участник долевого строительства приобретает и право долевой собственности на общее имущество, переход права на долю в общей собственности на имущество поселка возможен одновременно с переходом прав на домовладение. При этом был закреплен принцип зависимости размера доли в общем имуществе от площади земельного участка (п. 9 ст. 23.6 ФЗ № 214-ФЗ). Таким образом, в отношении коттеджных поселков, строящихся по правилам ФЗ № 214-ФЗ, установлены довольно понятные и простые нормы, практически не отличающиеся от правового регулирования отношений общей собственности в многоквартирных домах [3].

К сожалению, сфера применения указанного федерального закона была ограничена исключительно строительством таких комплексов с использованием средств проектного финансирования. При этом вне сферы указанного регулирования по-прежнему остались «классические» коттеджные поселки (строительство которых ведется или было завершено за счет собственных средств инвестора). Во многом это произошло потому, что лишь на этапе строительства общей инфраструктуры за счет привлеченных

средств можно безболезненно и организованно передать права на указанные объекты собственникам индивидуальных домов. Изъять объекты общей инфраструктуры у их собственников в действующих «классических» поселках и передать их жителям невозможно.

Таким образом, в настоящее время принцип правового регулирования малоэтажных жилых комплексов поставлен в зависимость от способа его создания, что неверно. Возникнут поселки, в которых общая инфраструктура будет принадлежать жильцам на праве общей долевой собственности, и, одновременно, поселки, в которых собственники инфраструктуры – третьи лица. При этом организационные и имущественные отношения в них будут сильно отличаться.

Можно сказать, что в настоящее время существует необходимость в реформировании правового регулирования отношений собственности в коттеджных поселках, и прежде всего в «классических», составляющих большинство. Сформулированный высшими судебными инстанциями подход, заключающийся в том, что при взыскании платы на содержание общего имущества нужно оценивать необходимость услуги и ее разумность, не способен ответить на все возникающие вопросы. Например, собственник может не пользоваться определенной услугой, а затем начать ею пользоваться и характер такой услуги может не позволить вести достоверный контроль за этим. Или собственник может быть освобожден судом от оплаты расходов на создание новой инфраструктуры ввиду их неразумности и отсутствия необходимости в них, однако сложно отрицать, что эта инфраструктура может повысить ценность принадлежащего ему объекта недвижимости. Не разрешен вопрос о том, в чью собственность будет поступать имущество, создаваемое или приобретаемое за счет жильцов в «классических» коттеджных поселках там, где общая инфраструктура имеет иного владельца. Недопустимо, чтобы оно поступало в собственность управляющей организации или иного лица, поскольку оплачено такое имущество было за счет средств собственников. При этом механизмов, позволяющих зарегистрировать его в долевую собственность собственников коттеджей в «классических» поселках, в настоящее время нет.

Представляется, что искать решение необходимо постепенно. Для начала необходимо сделать транспарентными имущественные и организационные отношения внутри поселка. Владельцы коттеджа должны иметь право знать территориальные границы поселка и перечень объектов недвижимости, входящих в общее имущество, указанная информация должна быть открытой. Для этого необходимо выработать механизмы, позволяющие идентифицировать имущество общего пользования и границы всех малоэтажных жилых комплексов (а не только создаваемых по правилам проектного финансирования), разработать механизмы придания публичности расчету расходов на содержание общей инфраструктуры. Если в соответствии с положениями ФЗ № 214-ФЗ эти сведения отражаются в проекте планировки и межевания, проектной декларации «новых» поселков, то в отношении «классических» возможно внесение указанных сведений в ЕГРН. Лицо, приобретающее индивидуальное домовладение в таком комплексе, должно иметь право на информацию об общей инфраструктуре и своих потенциальных расходах.

Необходимо закрепить, что имущество, включенное в перечень общего имущества поселка, но принадлежащее инвестору или управляющей компании, не может быть отчуждено или обременено без согласия собственников индивидуальных домов и их решения об исключении этого имущества из перечня инфраструктуры поселка. Что касается решения о создании (строительстве) или о приобретении новых объектов общей инфраструктуры, то на законодательном уровне должен быть определен механизм возникновения долевой собственности на указанные объекты у жителей «классического» поселка, а не третьих лиц.

Литература

1. Апелляционное определение Московского областного суда от 26.11.2014 по делу № 33-26272/2014 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Аптинеев, Ч. З. О правовом регулировании коттеджных поселков [Текст] / Ч. З. Аптинеев // Закон. – 2018. – № 11. – С. 124–130.
3. Гусев, А. Ю. Общее имущество коттеджного поселка [Электронный ресурс] / А. В. Гусев // СПС «КонсультантПлюс». – 2022.

4. Кузлугуртова, А. Ш. Особенности защиты прав собственников индивидуальных жилых домов на территории дачных коттеджных поселков [Текст] / А. Ш. Кузлугуртова // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 6. – С. 35–37.

5. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст] : федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ // Российская газета. – 02.08.2017. – № 169.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст] : федеральный закон от 30.12.2021 № 476-ФЗ // Российская газета. – 11.01.2022. – № 2.

7. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность : Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62293

8. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ // Российская газета. – 31.12.2004. – № 292.

9. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н. Н. Марасанова [Текст] : постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 № 23-П // Собрание законодательства РФ. – 21.11.2016. – № 47. – Ст. 6724.

10. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. С. Малковой : постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 55-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405140

References

1. Appeal ruling of the Moscow Regional Court of 26.11.2014 in case No. 33-26272/2014 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” [in Russian].
2. Aptineev, Ch. Z. On the legal regulation of cottage settlements [Text] / Ch. Z. Aptineev // Law. – 2018. – No. 11. – P. 124–130 [in Russian].
3. Gusev, A. Yu. The common property of a cottage settlement [Electronic resource] / A. Yu. Gusev // Legal reference system “ConsultantPlus”. – 2022 [in Russian].
4. Kuzlurgurtova, A. Sh. Features of the protection of the rights of owners of individual residential buildings on the

territory of suburban cottage settlements [Text] / A. Sh. Kuzgurtova // Family and Housing Law. – 2021. – No. 6. – P. 35–37 [in Russian].

5. On the conduct of gardening and gardening by citizens for their own needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation [Text] : Federal Law No. 217-FZ of 29.07.2017 // Rossiyskaya Gazeta. – 02.08.2017. – № 169 [in Russian].

6. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation [Text] : Federal Law No. 476-FZ of 30.12.2021 // Rossiyskaya Gazeta. – 11.01.2022. – № 2 [in Russian].

7. On approval of the Rules for the Maintenance of common Property in an apartment building and the rules for changing the amount of payment for the maintenance of residential premises in the case of services and work on the management, maintenance and repair of common property in an apartment building of inadequate quality and (or) with interruptions exceeding the established duration: Decree of the Government of the Russian Federation of 13.08.2006 No. 491 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62293 [in Russian].

8. On participation in the shared construction of apartment buildings and other Real estate objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 214-FZ of 30.12.2004 // Rossiyskaya Gazeta. – 31.12.2004. – № 292 [in Russian].

9. In the case of checking the constitutionality of the provisions of the second paragraph of paragraph 1 of Article 2 of the Federal Law “On State Registration of Rights to Immovable Property and Transactions with It” in connection with the complaint of citizen N. N. Marasanov [Text] : Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.11.2016 No. 23-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 21.11.2016. – No. 47. – St. 6724 [in Russian].

10. In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 7, Part 1 of Article 44, part 5 of Article 46, paragraph 5 of Part 2 of Article 153 and Article 158 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen T. S. Malkova : resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.12.2021 No. 55-P [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405140 [in Russian].

Поступила в редакцию 02.09.2022

Received September 02, 2022

Фатхи Валентина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры гражданско-правовых
дисциплин Ростовского юридического
института МВД России,
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83,
email: v.i.fatkhi@gmail.com

Fatkhi, Valentina I.,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, 83 Eryomenko Str.,
Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation,
email: v.i.fatkhi@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВИРТУАЛЬНОГО ИГРОВОГО ИМУЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

LEGAL STATUS OF VIRTUAL GAME PROPERTY IN THE CONTEXT OF CIVIL LEGAL REGULATION

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка проанализировать правовую природу виртуального игрового имущества с учетом его неопределенной правовой природы. Выделены характеристики виртуального игрового имущества как цифрового актива, имеющего экономический эквивалент, однако при этом представляющим собой «иллюзию имущества». Сделан вывод о необходимости преодоления терминологического вакуума в определении виртуального имущества. Возможность осуществления правовой защиты интересов пользователей игры как владельцев виртуального игрового имущества могла бы помочь с разрешением многочисленных конфликтных ситуаций, возникающих из-за неоднозначности содержания пользовательских/лицензионных соглашений, а также преодолеть «юридический иммунитет», которым сейчас в большей или меньшей степени пользуются правообладатели игровых платформ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: виртуальное имущество; виртуальная собственность; виртуальные объекты; цифровой актив; цифровая экономика.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Фатхи, В. И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования [Текст] / В. И. Фатхи // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 113–121. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-15.

ABSTRACT. The article attempts to analyse the legal nature of virtual game property, taking into account its legal uncertainty. The characteristics of the virtual gaming property as a digital asset having an economic equivalent, but at the same time representing an ‘illusion of property’ are determined. It is concluded that it is necessary to overcome the terminological vacuum in the definition of the virtual property. The possibility of legal protection of the interests of game users as the owners of the virtual game property could help with the resolution of numerous conflict situations arising from the ambiguity of the content of user / license agreements, as well as overcome the ‘legal immunity’ that game platforms rights holders now enjoy to a greater or lesser extent.

KEYWORDS: virtual property; virtual game property; virtual objects; digital asset; digital economy.

FOR CITATION:

Fatkhi, V. I. Legal Status of Virtual Game Property in the Context of Civil Legal Regulation [Text] / V. I. Fatkhi. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 113–121 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-15.

Введение. XXI век ознаменовался стремительным развитием, распространением и внедрением цифровых технологий в экономические процессы, происходящие в обществе. При этом виртуальное пространство приобретает все более конкретную форму, наполняется цифровыми активами, которые становятся предметом договорных отношений в киберпространстве. И речь идет не только об имеющих сегодня закрепленный гражданско-правовой статус цифровых правах, а о находящихся в «слепой зоне» правового регулирования виртуальном имуществе, NFT (невзаимозаменяемых токенах), трехмерных цифровых объектах, цифровых двойниках, цифровых копиях реальных субъектов правоотношений и т. д.

Ежедневно игроки в многопользовательских онлайн-играх (MMORPG), осуществляя самостоятельные действия, но от лица своих «виртуальных личностей», именуемых персонажами или аватарами, порождают определенные последствия, которые могут иметь и реальный характер, начиная от приобретения предметов игры, таких как «скины», «карты», «значки» и т. д., имеющих ценность, выражаемую в фиатных деньгах, «или же каких-либо действий, которые посягают на реальные охраняемые законом ценности – честь, достоинство или деловую репутацию, что требует применения норм реального права» [4, с. 59]. Вступая в сделку купли-продажи реальных товаров, например продуктов питания, автомобиля, недвижимого имущества, мы вправе полагать, что приобретаем и право собственности на это имущество, вправе воспользоваться различными способами защиты наших прав и законных интересов. Совсем иначе обстоит дело при приобретении за фиатные деньги объектов, которые можно отнести к виртуальному имуществу, например покупка Штык-Ножа M9 в игре Counter-Strike.

Отрицать инвестиционную привлекательность таких объектов бессмысленно. Согласно оценкам PwC, по итогам 2021 года российская игровая индустрия выросла на 7,7 %, до 158 млрд руб. (около \$2 млрд). Объем мирового игрового рынка составил 11,2 трлн руб. (\$148 млрд), показав рост на 8 %. По прогнозам аналитиков, отечественная индустрия продолжит расти на 5 % в год, достигнув в 2025 году 186,5 млрд руб. (мировой рынок составит

13,6 трлн руб.). В 2022 году объем рынка виртуальных внутриигровых предметов оценивается в \$4 млрд, российского – в \$450 млн [6]. Согласно исследованию, проведенному командой Киберспорт, примерно треть опрошенных ими пользователей игр «донатит» в любимых играх до 1000 рублей в месяц [8]. На фоне этих цифр в ноябре 2022 года появилась информация об инициативе Роскомнадзора законодательного закрепления определения правового статуса внутриигровых предметов [7].

Обзор литературы. В настоящее время в научной среде отсутствует единообразный подход в теоретическом осмыслении статуса виртуального имущества в существующей системе объектов гражданско-правового регулирования, да и само определение «виртуальной собственности» является весьма дискуссионным. А. И. Савельев, проанализировав сложившиеся подходы к определению виртуального имущества, выделил три варианта: принцип невмешательства со стороны государства; принцип аналогии и распространения на виртуальные объекты нормы о вещах и праве собственности; квалификация в контексте существующих лицензионных и иных соглашений между пользователем и оператором виртуального пространства (правообладателем) [16]. Как подчеркивает Д. С. Четвергов, к определению правовой природы виртуального имущества в юридической литературе сложилось два подхода: абсолютно-правовой, согласно которому виртуальное имущество представляет собой объект права собственности или иных абсолютных прав, и относительно-правовой подход, предполагающий разрешение проблемы виртуального имущества в плоскости обязательственных прав [23, с. 35]. Б. А. Борисов указывает на невозможность отнесения виртуального объекта к категории собственности в рамках российского законодательства, поскольку отсутствует главный признак вещно-правовых отношений – их материальность [5, с. 89]. По мнению Ж. Ю. Юзефович и В. Е. Хазовой, «виртуальное имущество – это цифровой актив, стоимость которого носит формальный характер, поскольку лишь дублирует реальную стоимость» [24]. Легальной дефиниции понятия виртуального имущества в российском законодательстве на настоящий момент нет, что

влечет за собой неоднородность правоприменительной практики, необходимость заполнения пробелов в правовом регулировании посредством аналогии права и аналогии закона.

Виртуальное игровое имущество является одним из видов достаточно обширного перечня объектов, попадающих под определение виртуального или цифрового имущества. По мнению, Ж. Ю. Юзефович и В. Е. Хазовой, систему объектов виртуального имущества можно классифицировать на две подгруппы, в основание классификации положив категорию «реальности» их существования. К первой подгруппе относятся «реальные товары, которые приобретаются онлайн» (например базы данных, программное обеспечение, доменные имена, электронные книги и т. д.). Вторая группа включает объекты, попадающие под определение цифровых активов, «существующих исключительно в электронной форме в отрыве от материального мира» (в частности, все виды токенов; цифровая валюта, аккаунт и т. д.) [24]. Следует согласиться с точкой зрения Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновой, что специфика таких виртуальных активов и «их отличие от традиционных объектов, которые могут существовать как в аналоговой форме, так и в цифровой (электронной), заключается в том, что они не только нематериальны по своей природе, но и не нуждаются в материализации в реальном мире для их функционирования» [21].

Результаты исследования. Думается, что в правовом регулировании нуждаются только те объекты виртуального игрового имущества в MMORPG, которые прямо или опосредованно связаны с урегулированными ГК РФ объектами гражданского права, в частности с деньгами (как наличными, так и безналичными) или вещами. В таком случае отношения выходят за пределы виртуального пространства, за пределы разработанного культурологами, но получившего интерпретацию в юриспруденции «Магического круга» [19]. Суть его «заключается в том, что пространство игры отделено от реального пространства неким магическим кругом, действия внутри и вне которого не должны зависеть друг от друга» [3, с. 70], т. е. к отношениям внутри круга не должны применяться нормы права. Несомненно, если предмет виртуального пространства соз-

дан, используется и переходит от одного игрока к другому только в рамках игрового процесса, так сказать «не выходя за рамки игры», то и регулирование отношений, возникающих по поводу этих объектов, не нуждается в реальных правовых нормах, достаточно пользовательских/лицензионных соглашений, заключаемых между правообладателем игры и ее пользователем.

В связи с отсутствием понятия «виртуальное имущество» и для более полного понимания его концепции стоит выделить следующие характеристики виртуального игрового имущества как цифрового актива, имеющего экономический эквивалент, однако при этом представляющего собой «иллюзию имущества»:

1. Нематериальность и обособленность от материального носителя. «Игровые объекты существуют, имеют ценность и могут быть использованы только в определенном виртуальном мире – конкретной онлайн-игре» [21].

2. Неразрывная связь с объектами, посредством и только при использовании которых осуществляется доступ к такому имуществу (например компьютер, смартфон, электронный планшет и т. д.).

3. Относительная индивидуальная определенность, выраженная в качестве уникального цифрового кода, с одновременной возможностью тиражирования актива в достаточно большом количестве экземпляров. Например, так называемый «элитный премиум танк» из игры World of tanks, который сегодня есть в единичных экземплярах, завтра может быть «размножен» в невероятных количествах.

4. Сочетание «вещных» признаков объекта как имущества игрока с признаками объектов интеллектуальной собственности. «Вещные признаки» виртуального игрового имущества проявляются в том, что «виртуальные игровые предметы аналогичны предметам реального мира и предусматривают господство над ними персонажа (аватара); персонаж осуществляет те же правомочия в отношении виртуальных предметов, что и реальный владелец аналогичных реальных предметов; игровые предметы имеют реальную ценность для пользователя, а нередко и реальную рыночную стоимость» [13]. Внутриигровой объект является, безусловно, результатом интеллектуальной деятельности и может охраняться Гражданским кодексом РФ в

составе программы для ЭВМ и/или составного произведения. При этом «некоторые компьютерные игры и виртуальные миры предоставляют пользователям широкие возможности для реализации творческих способностей, в том числе при создании персонажа и внутренних объектов игровых миров. Наличие творческого элемента позволяет отнести созданное игроками игровое имущество к объектам авторского права» [22]. То есть можно говорить о вероятности возникновения конфликта интересов в сфере права интеллектуальной собственности правообладателя игры и игрока как создателя внутриигрового имущества.

Если рассматривать виртуальное игровое имущество как самостоятельный цифровой актив, возможно ли применить правомочия собственника к такому объекту? Как установлено в ч. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Конечно, у игроков нет права собственности на виртуальное внутриигровое имущество в силу его нематериального характера, а в соответствии с нормами первой части ГК РФ объектами права собственности могут выступать, как правило, только вещи, имеющие материальное воплощение. Однако многие термины, характерные для правомочий собственника, в виртуальном пространстве все-таки используются. Так, например, «владеет» и «пользуется» таким объектом не само физическое лицо (трудно представить юридическое лицо в качестве пользователя игры) – игрок, а его аккаунт и/или виртуальный персонаж – аватар, хоть и под управлением игрока. При этом содержание и вообще наделение полномочиями «владения» и «пользования» полностью подконтрольно правообладателю игры. Правомочие «распоряжения» вроде бы как осуществляет сам пользователь, «распоряжаясь» внутриигровыми объектами по своему усмотрению, вступая в сделки купли-продажи, обмена, дарения и т. д., осуществление которых возможно только в цифровой среде. Эти сделки следует отличать от электронной формы традиционного договора купли-продажи. Однако игрок не получает полной возможности определения юридической судьбы накопленного внутриигрового имущества, хотя бы в силу того, что доступ к нему пропадет с завер-

шением поддержки игры ее правообладателем, или как, например, это случилось в 2022 году в связи с введением санкций крупными игровыми производителями в отношении российских геймеров [18]. Таким образом, можно сказать, что в отношении виртуального игрового имущества как иллюзии имущества у пользователя игры возникает иллюзия права собственности или же право квазисобственности.

В силу того, что правовой статус виртуального игрового имущества не урегулирован специальным законодательством, вызывает вопросы определение правомочий владельца такого имущества, а также обеспечения защиты прав «виртуального собственника» в такой системе, включая невозможность применения вещно-правовых способов защиты. Как подчеркивает В. А. Хилюта, «фактически в случае противоправного завладения (приобретения) виртуальным имуществом можно вести речь о его истребовании лишь путем лишения доступа такого неуправомоченного лица к имуществу и возврата доступа законному обладателю посредством изменения кода в компьютерной программе или изменения формальной легитимации» [20, с. 41].

Отсутствие правовой определенности относительно статуса виртуального игрового имущества несет в себе ряд угроз правового и экономического характера, в частности возможности реализации преступных схем по легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем или выводу денег за рубеж.

Сложившаяся судебная практика свидетельствует, что существует потребность в разрешении споров из причинения вреда как отдельным игрокам, так и правообладателям игр. В большинстве судебных споров по данной категории дел суды применяют нормы статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, т. е. отношения между участниками и организаторами многопользовательских компьютерных игр не подлежат судебной защите, поскольку относятся исключительно к игровому процессу, что приводит к отказу в проведении дальнейших судебных разбирательств [2, с. 12]. Однако существует и другой подход, согласно которому суд признал онлайн-игру программой для ЭВМ (интерактивного типа) и указал, что ввиду отсутствия условия о вы-

игрыше она не является азартной игрой, позволив пользователю игры воспользоваться защитой своих прав как потребителя [1]. Кроме того, в материалах судебной практики можно встретить позицию, согласно которой «отношения, возникающие между оператором игры и пользователем в рамках предоставления игроку расширенных игровых возможностей, фактически являются оказанием услуг по организации игрового процесса и регулируются нормами ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг» [11].

Фактически регулирование сделок в данной сфере осуществляется правообладателем виртуального игрового пространства посредством создания пользовательских/лицензионных договоров (соглашений) и специальных правил, в том числе соглашений о конфиденциальности, которые практически никогда не читает пользователь. При этом правообладатель превращается в обладателя монопольного права установления правил поведения в виртуальном пространстве игры, в единоличного представителя виртуальной власти, который самостоятельно устанавливает и исполняет обязательные для пользователя игры правила. Фактически пользователь, приобретая виртуальное игровое имущество за реальные деньги, оказывается не защищен перед волей правообладателя игры установить любые правила, в том числе и те, которые в реальном мире относятся к противоправным. В частности, М. А. Рожкова приводит в пример «правила игры Ultima online, допускающие возможность кражи одним персонажем “вещей” другого персонажа» [15]. А в исследовании, проведенном Научно-техническим центром ФГУП «ГРЧЦ» совместно с В. В. Архиповым, на примере Условий обслуживания PlayStation Network показано, что хотя онлайн-платформой и берется в расчет национальное законодательство, «в тексте пользовательского соглашения прямо указано, что если определенная область правоотношений не урегулирована, правила онлайн-платформы в ряде случаев могут применяться без учета принципов права государства» [9].

Применить к сделке купли-продажи виртуального игрового имущества нормы гражданского законодательства на сегодняшний день невозможно. Даже в случае приобретения виртуального игрового имущества, такого как модификация оружия «Легенда о драконе» в

игре Counter Strike: Global Offensive за 3 444 470 рублей, к которому можно не получить доступ в связи с объявленным «VAC-баном» (блокировка при обнаружении подозрительной активности на компьютере игрока), применить правила признания сделки недействительной не представляется возможным. Кроме того, контрагенты такой сделки скрываются под вымышленными именами, а значит, и применить правила определения делкоспособности участников правоотношения, в случае заключения сделки несовершеннолетними или лицами, ограниченными судом в дееспособности, невозможно.

Особую опасность для пользователя игры представляют сделки, возникающие в контексте приобретения имущества лутбоксов (lootboxes – «ящики с добычей») игровой отрасли как возмездно, так и безвозмездно, открывая которые пользователь игры получает выпавший случайным образом игровой предмет (ресурсы, оружие, персонажа и т. д.), позволяющий в некоторых случаях получить преимущество в игре (Такая игровая модель получила название Pay-to-Win («Плати, чтобы выиграть».) Лутбоксы по сути представляют виртуальное казино и воспринимаются многими правопорядками как азартные игры. Следует отметить, что на данный момент некоторые страны приняли нормативные акты, либо запрещающие лутбоксы на территории страны, либо требующие специальной маркировки об азартных играх, в первую очередь защищая интересы несовершеннолетних. В принципе, соглашение о выигрыше, заключенное между пользователем игры и правообладателем игровой платформы, по правилам, установленным как раз таки правообладателем, а также внесение реальных денежных средств за такие лутбоксы, позволяют рассмотреть вопрос о возможном нарушении требований Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Заключительная часть. Таким образом, сегодня правовой статус виртуального игрового имущества в России законодательно не урегулирован, что создает много вопросов относи-

тельно их правовой природы. Нельзя не согласиться с М. А. Рожковой, что «серьезнейшей проблемой отечественной доктрины является то, что в системе абсолютных прав по сути четко признается только две разновидности имущественных прав: право собственности исключительно на материальные предметы (вещи) и интеллектуальные права на прямо указанные в законе нематериальные объекты. Таким образом, практически вне рамок доктринальных изысканий остаются имущественные права на новые объекты, которые не являются вещами и не относятся к интеллектуальной собственности» [14]. При этом российское законодательство не содержит и запрета на оборот виртуального игрового имущества.

Преодоление терминологического вакуума в определении виртуального имущества, возможность осуществления правовой защиты интересов пользователей игры как владельцев виртуального игрового имущества могла бы помочь с разрешением многочисленных конфликтных ситуаций, возникающих из-за неоднозначности содержания пользовательских/лицензионных соглашений, а также преодолеть «юридический иммунитет» [9], которым сейчас в большей или меньшей степени пользуются правообладатели игровых платформ, от требований игроков в той части, в которой это касается содержания игрового процесса. И если законодатель не может признать право собственности на виртуальное игровое имущество, то следует уделить внимание законодательному закреплению условий пользовательского/лицензионного соглашения с позиции соблюдения прав пользователя как потребителя. На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствует норма, содержащая требования идентификации личности при приобретении виртуального игрового имущества, однако ее появление, несомненно, будет способствовать защите прав субъектов правоотношения.

В завершение статьи следует отметить, что «в настоящее время идет смена парадигм, и общество стоит на пороге массового внедрения новой формы социальных коммуникаций, которые будут характеризоваться, совмещением объективной и виртуальной реальности» [17]. Такая форма получила название виртуальной вселенной как постоянно существующего вир-

туального пространства, схожего по возможностям коммуницирования с реальным.

Объекты виртуального (цифрового) имущества, в частности криптоактивы и предметы виртуальных вселенных, которые можно отнести к игровому имуществу, становится возможным приобрести посредством получения невзаимозаменяемых криптографических токенов (NFT (non-fungible token)), которые можно назвать цифровым сертификатом собственности. При этом NFT уникален и, следовательно, не подлежит замене или обмену, имеет свою стоимость и представляет собой конкретный, уникальный (в случае виртуальной вселенной) цифровой объект, информация о владельце которого, транзакциях и покупателях хранится в цепочке блоков – блокчейне, обычно блокчейне Ethereum.

Именно NFT, как элемент цифрового реестра, как некий цифровой сертификат, подтверждает права на конкретный цифровой актив, что существенно изменит существующие подходы к возможности закрепления правового статуса виртуального игрового имущества. Как минимум благодаря тому, что NFT предполагает отсутствие возможности монополистического контроля разработчика/правообладателя игрового пространства за цифровым активом. По сути своим существованием NFT создали полностью децентрализованную и доступную систему для владения виртуальной собственностью, а также возможностью распоряжения владельцем этим правом. Однако в настоящее время невзаимозаменяемые токены в Российской Федерации находятся вне правового поля. «Опережающее правотворчество в настоящее время в национальном праве не реализовано, а между тем, обозримые горизонты технологического развития уже сегодня формулируют крайне сложные доктринальные вопросы правового развития» [10, с. 33].

Литература

1. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово № 11-59/2013 от 26 апреля 2013 г. по делу № 11-59/2013 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uQ81NVpYhP1v> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33-21065/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1148129#9jiRbOTsReTacreh1> (дата обращения: 28.09.2022).

3. *Архипов, В. В.* Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр [Текст] / В. В. Архипов // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90.

4. *Архипов, В. В.* Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований [Текст] / В. В. Архипов // Закон. – 2022. – № 3. – С. 58–74.

5. *Борисов, Б. А.* Цифровые объекты гражданских прав: объекты виртуального мира в контексте гражданско-правового регулирования [Электронный ресурс] // *Науки и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* – 2020. – № 4(119). – С. 89. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42622665> (дата обращения: 28.09.2022).

6. *Королев, Н.* Скином и мечом [Электронный ресурс] / Н. Королев // *Коммерсантъ.* – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (дата обращения: 28.09.2022).

7. *Королев, Н.* Игры для протокола [Электронный ресурс] / Н. Королев, Ю. Тишина // *Коммерсантъ.* – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5680920> (дата обращения 23.11.2022)

8. Мегаисследование Кибера [Электронный ресурс] // Блог команды киберспорта. – URL: <https://cyber.sports.ru/tribuna/blogs/product/3065929.html> (дата обращения 08.09.2022).

9. Подходы к регулированию внутриигровой собственности и обороту игровой валюты в странах мира [Электронный ресурс] // Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ». – URL: https://rdc.grfc.ru/2022/11/game_property_regulation (дата обращения: 22.11.2022).

10. Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада [Текст] / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, А. Г. Кравченко [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021.

11. Решение Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы) от 8 апреля 2015 г. по делу № А40-56211/2014, в котором содержатся ссылки на аналогичные Решения Басманного районного суда г. Москвы от 17.08.2010, Определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.12.2010 по делу № 33-38081, Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 05.10.2010, Определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 14.03.2011 по делу № 33-3700, Постановление Президиума Московского городского суда от 24.04.2013 по делу № 44г-45, Определение Московского городского суда от 06.10.2011 г. по делу № 4г/1-8422 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vNfvK8B1MIVC> (дата обращения: 28.09.2022).

12. Решение мирового суда судебного участка № 352 Басманного района г. Москвы от 01.02.2011 № 2-01/11 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты

РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/64Gc17ps4HgX> (дата обращения: 28.09.2022).

13. *Рожкова, М. А.* Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть четвертая – об относительных правах на игровое имущество и абсолютных правах на доменные имена) [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // *Закон.ру.* – URL: https://zakon.ru/blog/2019/03/26/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_chetvertaya__ob_o (дата обращения: 28.09.2022).

14. *Рожкова, М. А.* NFT – что это такое? // What is NFT (Non Fungible Tokens)? [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // *Закон.ру.* – 2021. – 13 декабря. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/13/nft_chno_eto_takoe_what_is_nft_non_fungible_tokens (дата обращения: 28.09.2022).

15. *Рожкова, М. А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // *Закон.ру.* – URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosits (дата обращения: 28.09.2022).

16. *Савельев, А. И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх [Текст] / А. И. Савельев // *Вестник гражданского права.* – 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 127–150.

17. *Федоренко, С. П.* Мета вселенная и право на образование: теоретико-правовой аспект [Электронный ресурс] / С. П. Федоренко // *Северо-Кавказский юридический вестник.* – 2022. – № 1. – С. 60–66. – URL: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-60-66> (дата обращения: 28.09.2022).

18. *Фролова, М.* «Игра окончена»: как российская гейм-индустрия переживает последствия санкций [Электронный ресурс] / М. Фролова // *Газета Известия.* – URL: <https://iz.ru/1310712/mariia-frolova/igra-okonchena-kak-rossiiskaia-geim-industriia-perezhivaet-posledstviia-sanktcii> (дата обращения: 05.07.2022).

19. *Хёйзинга, Йохан.* Homo ludens. Человек играющий [Текст] / Й. Хёйзинга; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

20. *Хиллота, В. В.* Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество [Текст] / В. В. Хиллота // *Журнал российского права.* – 2021. – Т. 25. – № 5. – С. 68–82.

21. Цифровые активы: правовой анализ [Текст] : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна. – Москва : 4 Принт, 2020. – 304 с.

22. *Черноусов, Д. А.* Применение вещного права к регулированию виртуального имущества [Текст] / Д. А. Черноусов, Ж. Ю. Юзефович // *Право и законность: вопросы теории и практики : сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 22–23 апреля 2022 года.* – Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2022. – С. 40–43.

23. *Четвергов, Д. С.* Правовой режим виртуального имущества [Текст] / Д. С. Четвергов // *Право и бизнес.* – 2021. – № 3. – С. 33–39.

24. Юзефович, Ж. Ю. Цифровые права как объекты гражданских прав [Текст] / Ж. Ю. Юзефович, В. Е. Хазова // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 15–18.

References

1. Appeal ruling of the Leninsky District Court of Kemerovo No. 11-59/2013 dated April 26, 2013 in case No. 11-59/2013 [Electronic resource] // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uQ81NVpYhP1v> (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

2. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 05/20/2019 in case No. 33-21065/2019 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SO&n=1148129#9jRbOTsReTacreh1> (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

3. Arkhipov, V. V. Virtual property: systemic legal problems in the context of the development of the computer games industry [Text] / V. V. Arkhipov // Law. – 2014. – No. 9. – P. 69–90 [in Russian].

4. Arkhipov, V. V. Characters (avatars) in multiplayer computer games: issues of legal qualification in the light of interdisciplinary research [Text] / V. V. Arkhipov // Law. – 2022. – No. 3. – P. 58–74 [in Russian].

5. Borisov, B. A. Digital objects of civil rights: objects of the virtual world in the context of civil law regulation [Electronic resource] // Sciences and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2020. – № 4(119). – P. 89. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42622665> (date of application: 09/28/2022) [in Russian].

6. Korolev, N. Skin and sword [Electronic resource] / N. Korolev // Kommersant. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

7. Korolev, N. Games for the protocol [Electronic resource] / N. Korolev, Yu. Tishina // Kommersant. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5680920> (date of application: 23.11.2022) [in Russian].

8. Cyber Mega-research [Electronic resource] // Blog of the esports team. – URL: <https://cyber.sports.ru/tribuna/blogs/product/3065929.html> (date of application: 08.09.2022) [in Russian].

9. Approaches to the regulation of in-game ownership and turnover of game currency in the countries of the world [Electronic resource] // Scientific and Technical Center of FSUE “GRC”. – URL: https://rdc.grfc.ru/2022/11/game_property_regulation (date of application: 22.11.2022) [in Russian].

10. The legal policy of the Russian state in the conditions of the digital economy and digital technological order [Text] / A. I. Ovchinnikov, A. Y. Mamychyev, A. G. Kravchenko [et al.]. – Moscow : Limited Liability Company “Prospect”, 2021 [in Russian].

11. The decision of the Arbitration Court of the City of Moscow (AC of the City of Moscow) of April 8, 2015 in case No. A40-56211/2014, which contains references to similar

Decisions of the Basmany District Court of Moscow of 17.08.2010, the Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Moscow City Court of 08.12.2010 in case No. 33-38081, the Decision of the Lefortovsky District Court of Moscow from 05.10.2010, the Ruling of the judicial board for civil cases of the Moscow City Court from 14.03.2011 in case No. 33-3700, the Decree of the Presidium of the Moscow City Court from 24.04.2013 in case No. 44g-45, the Ruling of the Moscow City Court from 06.10.2011 in case No. 4g/1-8422 [Electronic resource] // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vNfvK8B1MIVC> (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

12. The decision of the World Court of the judicial district No. 352 of the Basmany district of Moscow dated 01.02.2011 No. 2-01/11 [Electronic resource] // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/64Gc17ps4Hgx> (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

13. Rozhkova, M. A. On property rights to intangible objects in the system of absolute rights (part four – on relative rights to game property and absolute rights to domain names) [Electronic resource] / M. A. Rozhkova // Zakon.ru. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/03/26/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_chetvertaya_ob_o (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

14. Rozhkova, M. A. NFT – what is it? / What is NFT (Non Fungible Tokens)? [Electronic resource] / M. A. Rozhkova // Zakon.ru. – 2021. – December 13. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/13/nft_chno_eto_takoe_what_is_nft_non_fungible_tokens (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

15. Rozhkova, M. A. Digital assets and virtual property: how the virtual correlates with the digital [Electronic resource] / M. A. Rozhkova // Zakon.ru. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosits (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

16. Savelyev, A. I. The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games [Text] / A. I. Savelyev // Bulletin of Civil Law. – 2014. – Vol. 14. – No. 1. – P. 127–150 [in Russian].

17. Fedorenko, S. P. Metaverse and the right to education: theoretical and legal aspect [Electronic resource] / S. P. Fedorenko // North Caucasian Legal Bulletin. – 2022. – No. 1. – P. 60–66. – URL: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-60-66> (date of application: 28.09.2022) [in Russian].

18. Frolova, M. “The game is over”: how the Russian game industry is experiencing the consequences of sanctions [Electronic resource] / M. Frolova // Izvestia Newspaper. – URL: <https://iz.ru/1310712/mariia-frolova/igra-okonchena-kak-rossiiskaia-geim-industriia-perezhibaet-posledstviia-sanktcii> (date of application: 05.07.2022) [in Russian].

19. Huizinga, Johan. Homo ludens. The man playing [Text] / J. Huizinga ; comp., preface. and translated from the Netherlands by D. V. Silvestrov ; comment., index by D. E. Kharitonovich. – St. Petersburg : Ivan Limbach Publishing House, 2011 [in Russian].

20. *Khilyuta, V. V.* Dematerialization of the object of theft and issues of qualification of encroachments on virtual property [Text] / V. V. Khilyuta // Journal of Russian Law. – 2021. – Vol. 25. – No. 5. – P. 68–82 [in Russian].

21. Digital assets: legal analysis [Text] : monograph / L. V. Sannikova, Y. S. Kharitonova. – Moscow : 4 Print Publ., 2020. – 304 p. [in Russian].

22. *Chernousov, D. A.* The application of real law to the regulation of virtual property [Text] / D. A. Chernousov, Zh. Yu. Yuzefovich // Law and legality: questions of theory

and practice : collection of materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, April 22–23, 2022. – Abakan : Publishing House of the N. F. Katanov Khakass State University, 2022. – P. 40–43 [in Russian].

23. *Chetvergov, D. S.* The legal regime of virtual property [Text] / D. S. Chetvergov // Law and Business. – 2021. – No. 3. – P. 33–39 [in Russian].

24. *Yuzefovich, Zh. Yu.* Digital rights as objects of civil rights [Text] / Zh. Yu. Yuzefovich, V. E. Khazova // Civil law. – 2022. – No. 5. – P. 15–18 [in Russian].

Поступила в редакцию 05.12.2022

Received December 05, 2022

Чупилин Дмитрий Александрович,
старший преподаватель,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: dchupilin@sfedu.ru

Chupilin, Dmitry A.,
Senior Lecturer,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: dchupilin@sfedu.ru

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДСУДНОСТЬ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ALTERNATIVE JURISDICTION OF DISPUTES RESULTING FROM FAMILY LEGAL RELATIONSHIP: PROBLEMS AND PROPOSALS

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены положения гражданского процессуального и семейного законодательства, связанные с возможностью выбора суда для разрешения дел о взыскании алиментов, установлении отцовства и расторжении брака. Сочетанное (материально-правовое и процессуально-правовое) регулирование исследуемого института обуславливает наличие некоторых пробелов и неопределенности в правоприменительной практике. Обращено внимание на проблему, связанную с определением подсудности нескольких взаимосвязанных семейно-правовых требований. Проанализированы две противоположные позиции правоприменителя относительно возможности выбора суда в подобных ситуациях. Сформулирован вывод о расширительном толковании соответствующего основания альтернативной подсудности судами общей юрисдикции. Учитывая необходимость развития социальной направленности процессуального законодательства, автор считает необходимым внесение изменений в ГПК РФ в части дополнения перечня семейных споров, подпадающих под правила альтернативной подсудности. Кроме того, предложено установить возможность предъявления иска о расторжении брака по месту жительства несовершеннолетних детей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подсудность; семейные споры; судебная защита; гражданское судопроизводство; алименты.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Чупилин, Д. А. Альтернативная подсудность споров, вытекающих из семейных правоотношений: проблемы и предложения [Текст] / Д. А. Чупилин // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 122–129. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-16.

ABSTRACT. The article analyzes the provisions of civil procedural and family law related to the possibility of choosing a court to resolve cases of alimony, paternity, and divorce. The combined (substantive-legal and procedural-legal) regulation of the institution under study causes the presence of some gaps and uncertainties in law enforcement practice. The article draws attention to the problem associated with determining the jurisdiction of several interrelated family law claims. Two opposite positions of the law enforcer regarding the possibility of choosing a court in such situations are analysed. Based on the results of the study, a conclusion is formulated about the broad interpretation of the relevant grounds for alternative jurisdiction by courts of general jurisdiction. Given the need to develop the social orientation of procedural legislation, the author concludes that it is necessary to amend the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in terms of supplementing the list of family disputes that fall under the rules of alternative jurisdiction. In addition, it is proposed that the possibility of filing a claim for divorce at the place of residence of minor children should be established.

KEYWORDS: jurisdiction; family disputes; judicial protection; civil litigation; alimony.

FOR CITATION:

Chupilin, D. A. Alternative Jurisdiction of Disputes Resulting from Family Legal Relationship: Problems and Proposals [Text] / D. A. Chupilin. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 122–129 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-16.

Согласно ч. 3 ст. 29 ГПК РФ иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом не только по месту жительства ответчика, но также в суд по месту жительства истца. Указанная норма по мнению исследователей является одной из гражданско-процессуальных гарантий (льгот) в сфере алиментирования [9; 21]. Возможность подавать иски об алиментах по месту жительства истца была введена в ГПК РСФСР 1923 года Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 3 марта 1924 года. Возможность подачи исков об установлении отцовства по месту жительства истца появилась в ГПК РСФСР 1964 г. с Указом Президиума ВС РСФСР от 12 декабря 1973 года.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30 сентября 2019 г. № 2511-О указал на то, что часть третья ст. 29 ГПК РФ, которая предусматривает возможность подачи иска с требованиями о взыскании алиментов по месту жительства истца, конкретизирует тем самым ст. 47 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, выступая, в свою очередь, в качестве дополнительной процессуальной гарантии обеспечения возможности реализации права гражданина на судебную защиту. Как указано в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 года, данная норма направлена на создание благоприятных условий судопроизводства, защиту процессуальных интересов лиц, проживающих совместно с ребенком и самого несовершеннолетнего, обеспечивая их право участвовать в судебном заседании.

Отметим, что на практике правило, указанное в ч. 3 ст. 29 ГПК РФ, применяется и к случаям взыскания дополнительных расходов на содержание детей и родителей (ст. 86, 88 СК РФ) [15]. Указанные статьи СК РФ находятся в гл. 13 «Алиментные обязательства родителей и детей», а сами такие расходы по своей правовой природе являются элементом алиментного содержания. Вместе с тем использование материально-правовой терминологии в процессуальном законодательстве приводит к необходимости ее корректного истолкования, а также оперативной и синхронной корректировки в

связи с изменениями, вносимыми в материальное законодательство.

Кроме того, по месту жительства истца подаются иски об изменении порядка взыскания алиментов; установлении нового размера алиментов; взыскании задолженности или неустойки по алиментам и иные связанные с взысканием алиментов иски [19]. При этом согласно ранее действовавшим разъяснениям (п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9) иски об изменении размера алиментов рассматривались по общим правилам подсудности. Таким образом, наличие расширения сферы применения альтернативной подсудности.

Дифференциация правового регулирования правил подсудности в данном случае осуществляется по двум критериям:

1) предметному – требование должно быть основано на семейно-правовых отношениях и касаться взыскания алиментов либо установления отцовства;

2) субъектному – возможность выбора суда имеется только у взыскателя алиментов, как у слабой стороны правоотношения.

Разъяснения относительно правил применения указанной нормы содержатся сразу в трех Постановлениях Пленума ВС РФ – от 16.05.2017 № 16; от 26.12.2017 № 56; от 14.11.2017 № 44. Отметим, что, на наш взгляд, такое положение дел само по себе свидетельствует о несовершенстве и неполноте ч. 3 ст. 29 ГПК РФ. В указанных актах ВС РФ справедливо дает расширительное толкование положений части 3 статьи 29 ГПК РФ, что свидетельствует о ее безусловной социальной направленности. Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что требования, объединенные в ч. 3 ст. 29 ГПК РФ (о взыскании алиментов и об установлении отцовства), являются перечнем исков, и правило альтернативной подсудности применяется по отношению к каждому случаю, названному в перечне [10]. Кроме того, истец определяет подсудность и по искам об установлении материнства.

Однако в абз. 1 п. 2 Постановления от 14.11.2017 № 44, по нашему мнению, Пленум ВС РФ вышел за пределы толкования и де-факто дополнил норму ГПК РФ, указав, что если одновременно с иском об ограничении или о лишении родительских прав заявлено требование о взыскании алиментов на ребенка

(например, родителем, с которым проживает ребенок), то такой иск может быть предъявлен истцом в суд по месту его жительства. За шесть лет до принятия указанного Постановления в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 года, уже указывалось на неоднородную практику судов при решении вопроса о подсудности по вышеуказанным требованиям, при этом позиция самого Президиума ВС РФ также сводилась к допущению альтернативной подсудности в данном случае.

Примечательно, что иск о лишении родительских прав в соответствии с нормами ГПК РФ и СК РФ может быть предъявлен только по общим правилам подсудности. Представляется, что установление правила о возможности выбора подсудности по делам о взыскании алиментов на ребенка и об ограничении или о лишении родительских прав должно производиться на законодательном уровне. Подобное сверхрасширительное толкование норм ГПК РФ высшей судебной инстанцией приводит к некоторым практическим проблемам.

Примечательным является указание Верховным судом Удмуртской Республики, рассматривавшим жалобу на определение о возвращении поданного по месту жительства истца иска об определении места жительства ребенка и взыскании алиментов, на то, что правило об альтернативной подсудности применяется в случае, прямо указанном в законе – ч. 3 ст. 29 ГПК РФ либо в случаях, прямо указанных в постановлениях Пленума ВС РФ. В связи с тем, что иск об определении места жительства ребенка должен предъявляться согласно общему правилу подсудности по месту жительства ответчика, суд признал законным отказ истцу в применении правил альтернативной подсудности в данном случае [1]. Таким образом, в рассмотренной ситуации суд вынужден был признать, что правила альтернативной подсудности сформулированы как в ГПК РФ, так и в Постановлении Пленума ВС РФ, при этом они являются исчерпывающими.

Некоторые суды, рассматривая аналогичные жалобы, отмечают, что удовлетворение искового требования о взыскании алиментов полностью зависит от разрешения требования об определении места жительства ребенка, следо-

вательно, требование о взыскании алиментов вытекает из основного требования [2]. Вместе с тем, и при рассмотрении иска о лишении родительских прав удовлетворение требования о взыскании алиментов находится в зависимости от решения вопроса о сохранении либо лишении родительских прав.

Однако существует и иная практика. Так, Новосибирский областной суд, отменяя определение суда о возвращении иска об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка с матерью, взыскании с ответчика алиментов и разделе совместно нажитого автомобиля, поданного по месту жительства истца, указал, что заявленные требования из содержания ст. 24 СК РФ связаны между собой и потому могли быть предъявлены по месту жительства истца [6]. В другом деле Ставропольский краевой суд, рассматривая частную жалобу на определение об отказе в передаче дела по подсудности, указал, что истец вправе обратиться с иском по своему месту жительства с требованиями об определении порядка общения с ребенком, взыскании алиментов и снижении размера алиментов, а также освобождении от уплаты алиментов на содержание бывшей супруги [7]. Примечательно, что одним из доводов частной жалобы было утверждение о том, что требования о взыскании алиментов носят формальный характер и предъявлены лишь для изменения территориальной подсудности рассмотрения спора.

Вместе с тем в специальной литературе обосновывается необходимость дальнейшего расширения содержания ч. 3 ст. 29 ГПК РФ. Так, А. В. Юдин, исследуя процессуальные проблемы рассмотрения дел о несогласии либо уклонении от дачи согласия родителя на выезд несовершеннолетнего из Российской Федерации, справедливо указывает на ситуации, при которых отказывающийся либо уклоняющийся от дачи согласия на выезд ребенка родитель проживает в другой местности, что может повлечь за собой неоправданные сложности с получением судебной защиты [23]. Кроме того, предлагается распространить режим альтернативной подсудности на дела о лишении родительских прав, поскольку это может стать дополнительной гарантией, обеспечивающей своевременную защиту прав ребенка и восстановление его нарушенных интересов особенно в случае, когда

ответчик проживает на территории другого государства [18]. Аналогичная позиция была высказана в Обзоре судебной практики Челябинского областного суда от 30 мая 2012 года.

Согласимся с мнением М. Б. Мельниковой о том, что имеется объективная необходимость ч. 3 ст. 29 ГПК изложить в следующей редакции: «Иски о лишении родительских прав, взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом также в суд по месту его жительства (месту нахождения), а также по месту жительства (нахождения) ребенка» [20]. Вместе с тем полагаем, что возможно пойти дальше и установить подсудность по выбору истца в отношении любых споров, предметом которых выступают права и законные интересы ребенка либо родительские права, при обязательном условии, что ребенок проживает совместно с истцом. Такой подход позволит не только более последовательно провести в жизнь повышенные гарантии доступа к правосудию лиц, занимающихся воспитанием детей, но и повысит качество рассмотрения семейных споров, ведь фактическое участие ребенка в таких делах и его мнение имеют существенное значение.

В соответствии с ч. 4 ст. 29 ГПК РФ иски о расторжении брака могут предъявляться также в суд по месту жительства истца в случаях, если при нем находится несовершеннолетний или по состоянию здоровья выезд истца к месту жительства ответчика представляется для него затруднительным. Указанное правило также продублировано в Постановлении Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 года № 15. Впервые же оно появилось в ГПК РСФСР 1964 г. в связи с принятием Указа Президиума ВС РСФСР от 5 августа 1966 года.

Дифференциация правового регулирования правил подсудности в данном случае осуществляется по двум критериям:

1) предметному – требование должно быть основано на семейно-правовых отношениях и касаться расторжения брака;

2) субъектному – возможность выбора суда имеется только у слабой стороны правоотношения, т. е. у супруга, который:

а) находится совместно с несовершеннолетним ребенком;

б) по состоянию здоровья не может выехать к месту жительства истца.

Разумеется, оба критерия должны быть выдержаны в совокупности, в противном случае иск подается по месту жительства ответчика. Отметим, что требование о расторжении брака само по себе не носит социальный характер и не презюмируется законодателем таковым (в отличие от ч. 3 ст. 29 ГПК РФ), т. е. не связано с потребностью в защите основополагающих, жизненно важных прав и не требует создания дополнительных процессуальных гарантий.

Спор о расторжении брака в контексте правил альтернативной подсудности становится социальным лишь в том случае, если один из супругов (или оба, что также не исключено по смыслу нормы) находится в объективно затруднительных обстоятельствах. Факты, которые необходимо доказать в этом случае, имеют исключительно процессуально-правовое значение и не входят в состав фактов, обосновывающих требование по существу.

Исследователи указывают, что ч. 4 ст. 29 ГПК РФ среди прочих норм обеспечивает баланс интересов сторон в семейных правоотношениях посредством предоставления слабой стороне дополнительных прав или возложения на другую сторону дополнительных обязанностей, посредством выбора приоритетного интереса [17].

Нахождение при истце несовершеннолетнего ребенка не предполагает, что этот ребенок должен быть рожден в браке, который расторгается. Более того, исходя из буквального смысла нормы этот ребенок может быть даже не истца [8]. Также не вполне понятно, должен ли ребенок проживать совместно с истцом. Исходя из буквального толкования словосочетания «находиться при» и «проживать с» имеют неодинаковое смысловое наполнение, в доктрине высказана аналогичная позиция [16]. Данные вопросы, на наш взгляд, нуждаются в уточнении, тем более что, как указывалось выше, нами предлагается распространить условие совместного проживания истца с несовершеннолетним ребенком на альтернативную подсудность по всем спорам о детях и о родительских правах.

Оценку состояния здоровья, в силу которого истец испытывает затруднения с выездом к месту жительства ответчика, проводит суд по медицинской документации, приложенной к исковому заявлению. Так, например, в од-

ном из дел, согласно справке, выданной ГБУЗ МО «Красногорская городская больница № 2 Взрослая поликлиника № 2», истцу по состоянию здоровья противопоказано длительное нахождение в положении сидя и стоя, длительные поездки, командировки и иные перемещения [5].

Проблемным является вопрос соотношения альтернативной (либо общей – в рассматриваемой ситуации это не принципиально) и исключительной подсудности в том случае, если помимо требования о расторжении брака истец просит о разделе совместно нажитого имущества, в состав которого входит недвижимость. В этом случае некоторые суды полагают, что приоритет в любом случае следует отдавать альтернативной (либо общей) подсудности, поскольку вопрос раздела имущества «следует» за основным предметом иска – расторжением брака [13; 14]. Другой подход заключается в том, что если между супругами делится только недвижимое имущество, то дело должно рассматриваться по месту нахождения этого имущества (если объектов недвижимости несколько в разных местностях – то любого из них) [11].

По мнению Липецкого областного суда правила исключительной подсудности (ст. 30 ГПК РФ) действуют тогда, когда требования в отношении объектов недвижимости являются самостоятельными, заявлены вне рамок бракоразводного дела – до расторжения брака или после его прекращения. В силу ст. 24 СК РФ суд по требованию супругов либо одного из них при расторжении брака обязан произвести раздел имущества, находящегося в совместной собственности, включая объекты недвижимости, независимо от их расположения [12]. Московский городской суд указывает, что иски о разделе имущества, нажитого в период брака, между супругами не являются исками о правах на недвижимое имущество, поскольку такие иски направлены на изменение режима собственности нажитого в браке имущества с совместной собственности на долевую, в связи с чем при обращении в суд с иском о разделе имущества действуют общие правила территориальной подсудности [3].

В соответствии с п. 2 ст. 24 СК РФ суд, расторгая между супругами брак, обязан (при отсутствии между супругами соответствующего

соглашения) разрешить иные, неразрывно связанные с расторжением брака вопросы (о месте жительства детей; об алиментах; о разделе имущества).

Таким образом, фактически, споры о расторжении брака более сложны и имеют более широкий предмет, нежели указанный в ч. 4 ст. 29 ГПК РФ. В данном случае, в отличие от ч. 3 ст. 29 ГПК РФ, объединение требований о расторжении брака с любыми перечисленными выше не влечет за собой невозможность использования альтернативной подсудности. Присоединимся к мнению авторов, полагающих, что в тех многочисленных случаях, когда спорная недвижимость находится вне территории юрисдикции суда, к компетенции которого относится дело о расторжении брака, применение исключительной подсудности потребовало бы отказаться от применения нормы ст. 24 СК РФ об объединении указанных требований [22].

Однако встречается и обратная судебная практика. Так, Московский городской суд, отказывая в удовлетворении частной жалобы на определение о возвращении искового заявления, указал, что ссылка в жалобе на положения ч. 4 ст. 29 ГПК РФ, не может быть принята во внимание, так как положениями данной правовой нормы установлена альтернативная подсудность споров о расторжении брака. Между тем, истцом помимо требований о расторжении брака был заявлен иск об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка, подсудность по которому определяется на основании положений ст. 28 ГПК РФ [4]. По нашему мнению, такое истолкование ч. 4 ст. 29 ГПК РФ является неверным.

Как уже упоминалось ранее, объективная невозможность выезда может быть у обоих супругов (например, при одном из них находится несовершеннолетний, а второй имеет серьезное заболевание). В этом случае возникает неравенство, поскольку учета этих обстоятельств при решении вопроса о подсудности не предусмотрено [10]. Полагаем необходимым установить приоритет рассмотрения таких дел по месту жительства детей. В том случае, если оба супруга больны либо оба находятся с детьми, то вопрос доступности правосудия и обеспечения права на участие в судебном заседании с наименьшими издержками для обеих сторон должен решаться другими способами.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 33-3935/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=C0C4E1A04B8E10B3406FB3ED20A81613&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOPV&n=414328#IHJVdKTAWKzJrceU>
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.09.2018 по делу № 33-41643/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=A09ACDD1FB3E0D7DDDF2B1DDA3C9AED7&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOCN&n=1058220#xpTVdKTEnZyGV581>
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.09.2017 по делу №33-21226/2017 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=AFEC026FBF32C5E3A2D3031E87E994CE&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOCN&n=945731#52KDvKTcdTkS5fy41>
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.11.2018 по делу № 33-50923/2018 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=4229B1DC8946B73BFBA770583C1D246F&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOCN&n=1083994#3zQDvKTWkGfEmSxB1>
5. Апелляционное определение Московского областного суда от 16.10.2019 по делу № 33-33739/2019 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=EA7C5A9AE0695C3DEF214D98C4F2A2AB&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOKI&n=353149#dhzBvKTL833P1kP8>
6. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 12.04.2018 по делу № 33-4168/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=8E197383AADC72DE26F0A5ED4B4C2980&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOSB&n=233381#qiHYdKTqGUocZM191>
7. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 28.03.2017 по делу № 33-2240/2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=442DEF291913A0CA87653F9EE5CE93D6&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOSK&n=57377#i4NYdKTS9rZJHdVq1>
8. Ильина, О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации [Текст] / О. Ю. Ильина. – Москва : Городец, 2006. – 192 с.
9. Ксенофонтова, Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования [Текст] : монография / Д. С. Ксенофонтова. – Москва : Статут, 2018. – 207 с.
10. Любимова, Е. В. Способ защиты права как критерий территориальной подсудности // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) [Текст] : сборник научных статей / В. В. Акинфиева, Л. А. Аксенчук, А. А. Ананьева и др. ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – Москва : Статут, 2017. – 592 с.
11. Никифорова, Е. И. Режим общей собственности супругов. Обзор судебной практики [Текст] / Е. И. Никифорова // Жилищное право. – 2009. – № 1. – С. 18–27.
12. Обобщение судебной практики рассмотрения мировыми судьями споров о разделе имущества между супругами (подготовлено Липецким областным судом) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/33739258>
13. Определение Московского областного суда от 12.08.2010 по делу № 33-15331 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=1DF7689DB58233BD39CC9D6C0EF28DAA&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOKI&n=79400#6ujCvKT2bOxawDN43>
14. Определение Свердловского областного суда от 12.05.2009 по делу № 33-4362/2009 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=7D93EF0E7FA9156421CA743DEAD1B87A&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOUR&n=2924#2GwCvKTUdeGTGJsl1>
15. Постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 03.06.2009 № 44г-85/09 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=V5mUdKTcF1QrrDBt&cacheid=3F0360CFF72FC82B96FDB02EE99C1717&mode=splus&rnd=1l7YcKT6hQcFmVfE1&base=SOSZ&n=2051#ZimUdKTolrrx7J7>
16. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / А. В. Аргунов, В. В. Аргунов, А. В. Демкина и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2012. – 636 с. (автор комментария к ст. 29 ГПК РФ – О. В. Рузакова).
17. Пьянкова, А. Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях [Текст] / А. Ф. Пьянкова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1. – С. 77–87.
18. Семенова, А. А. Особенности исполнения судебных решений по спорам, связанным с защитой прав несовершеннолетних [Текст] / А. А. Семенова // Исполнительное право. – 2011. – № 4. – С. 20–23.
19. Справка Приморского краевого суда от 05.09.2014 «По результатам изучения судебной практики по делам, связанным с взысканием алиментов, рассмотренным в 2013 г. судами Приморского края» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=42901#hr8VdKTgNt4pHcTh1>
20. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография [Текст] / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин и др. – Москва : РУСАЙНС, 2019. – 268 с. (автор главы – М. Б. Мельникова).
21. Умнова, Е. Д. Правовая природа алиментных обязательств [Текст] / Е. Д. Умнова // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 4. – С. 30–32.

22. Шелютто, М. Л. Территориальная подсудность дела о разделе общего имущества супругов, включающего объект (объекты) недвижимости [Текст] / М. Л. Шелютто // Комментарий судебной практики. Выпуск 12 / под ред. К. Б. Ярошенко. – Москва : Юридическая литература, 2006. – С. 172–180.

23. Юдин, А. В. Процессуальные проблемы рассмотрения дел о преодолении несогласия или восполнении отсутствующего согласия ответчика на совершение истцом юридически значимых действий (на примере дел о несогласии либо уклонении от дачи согласия родителя на выезд несовершеннолетнего из Российской Федерации) [Текст] / А. В. Юдин // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 1. – С. 257–311.

References

1. Appeal ruling of the Supreme Court of the Udmurt Republic in case No. 33-3935/2019 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=C0C4E1A04B8E10B3406FB3ED20A81613&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOPV&n=414328#IHJVdKTAWKzJrceU> [in Russian].

2. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 20.09.2018 in case No. 33-41643/2018 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=A09ACDD1FB3E0D7DDDF2B1DDA3C9AED7&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOCN&n=1058220#xpTVdKTEnZyGVi581> [in Russian].

3. The appeal ruling of the Moscow City Court of 20.09.2017 in case No. 33-21226/2017 // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=AFEC026FBF32C5E3A2D3031E87E994CE&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOCN&n=945731#52KDvKTcdTkS5fy41> [in Russian].

4. The appeal ruling of the Moscow City Court of 20.11.2018 in case No. 33-50923/2018 // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=4229B1DC8946B73BFBA770583C1D246F&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOCN&n=1083994#3zQDvKTWkGfEmSxB1> [in Russian].

5. The appeal ruling of the Moscow Regional Court of 16.10.2019 in case No. 33-33739/2019 // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=EA7C5A9AE0695C3DEF214D98C4F2A2AB&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOKI&n=353149#dhzBvKTL833P1kP8> [in Russian].

6. The appeal ruling of the Novosibirsk Regional Court of 12.04.2018 in case No. 33-4168/2018 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=8E197383AADC72DE26F0A5ED4B4C2980&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOSB&n=233381#qiHYdKTqGUocZM191> [in Russian].

7. The appeal ruling of the Stavropol Regional Court of 28.03.2017 in case No. 33-2240/2017 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0mIVdKTOGM2Ej0fA1&cacheid=442DEF291913A0CA87653F9E55CE93D6&mode=splus&rnd=EQv7pw&base=SOSK&n=57377#i4NYdKts9rZJHDVq1> [in Russian].

8. Ilyina, O. Y. The interests of the child in family law of the Russian Federation [Text] / O. Y. Ilyina. – Moscow : Gorodets Publ., 2006. – 192 p. [in Russian].

9. Ksenofontova, D. S. Legal guarantees in the field of alimony [Text] : monograph / D. S. Ksenofontova. – Moscow : Statute Publ., 2018. – 207 p. [in Russian].

10. Lyubimova, E. V. Method of protection of law as a criterion of territorial jurisdiction // The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, November 18–19, 2016) [Text] : collection of scientific articles / V. V. Akinfieva, L. A. Aksenchuk, A. A. Ananyeva, etc. ; ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. – Moscow : Statute Publ., 2017. – 592 p. [in Russian].

11. Nikiforova, E. I. The regime of common property of spouses. Review of judicial practice [Text] / E. I. Nikiforova // Housing Law. – 2009. – No. 1. – P. 18–27 [in Russian].

12. Generalization of judicial practice of consideration by magistrates of disputes on the division of property between spouses (prepared by the Lipetsk Regional Court) [Electronic resource] // Legal reference system “Garant”. – URL: <https://base.garant.ru/33739258> [in Russian].

13. Definition of the Moscow regional court of 12.08.2010 in case No. 33-15331 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=1DF7689DB58233BD39CC9D6C0EF28DAA&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOKI&n=79400#6ujCvKT2bOxawDN43> [in Russian].

14. Definition of the Sverdlovsk regional court of 12.05.2009 in case No. 33-4362/2009 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VepBvKTgaxO6ypYo&cacheid=7D93EF0E7FA9156421CA743DEAD1B87A&mode=splus&rnd=ZMoBvKTeWwK4pCqg&base=SOUR&n=2924#2GwCvKTUdeGTGJsl1> [in Russian].

15. Resolution of the Presidium of the St. Petersburg City Court of 03.06.2009 No. 44g-85/09 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=V5mUdKTcF1QrrDBt&cacheid=3F0360CFF72FC82B96FDB02EE99C1717&mode=splus&rnd=117YcKT6hQcFmVfE1&base=SOSZ&n=2051#ZimUdKToIrrx7J7> [in Russian].

16. Article-by-article commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation [Text] / A. V. Argunov, V. V. Argunov, A. V. Demkina, etc.; edited by P. V. Krashenninikov. – Moscow : Statute, 2012. – 636 p. (the author of the commentary to Article 29 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation is O. V. Ruzakova) [in Russian].

17. Pyankova, A. F. Balance of interests in alimony legal relations [Text] / A. F. Pyankova // Actual problems of Russian law. – 2018. – No. 1. – P. 77–87 [in Russian].

18. Semenova, A. A. Features of the execution of court decisions on disputes related to the protection of the rights

of minors [Text] / A. A. Semenova // Executive law. – 2011. – No. 4. – P. 20–23 [in Russian].

19. Certificate of the Primorsky Regional Court dated 05.09.2014 “Based on the results of the study of judicial practice in cases related to the recovery of alimony considered in 2013 by the courts of the Primorsky Territory” [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=42901#hr8VdKTgNt4pHcTh1> [in Russian].

20. Means of prosecutorial activity: problems of theory and practice: monograph [Text] / O. N. Korshunova, V. V. Lavrov, E. L. Nikitin, etc. – Moscow : RUSAINS Publ., 2019. – 268 p. (the author of the chapter is M. B. Melnikova) [in Russian].

21. *Umnova, E. D.* The legal nature of alimony obligations [Text] / E. D. Umnova // Family and housing law. – 2017. – No. 4. – P. 30–32 [in Russian].

22. *Shelyutto, M. L.* Territorial jurisdiction of the case on the division of the common property of spouses, including the object (objects) of real estate [Text] / M. L. Shelyutto // Commentary of judicial practice. Issue 12 / edited by K. B. Yaroshenko. – Moscow : Legal Literature, 2006. – P. 172–180 [in Russian].

23. *Yudin, A. V.* Procedural problems of consideration of cases on overcoming disagreement or filling in the missing consent of the defendant to commit legally significant actions by the plaintiff (on the example of cases of disagreement or evasion from giving consent of the parent to the departure of a minor from the Russian Federation) [Text] / A. V. Yudin // Bulletin of Civil Procedure. – 2012. – No. 1. – P. 257–311 [in Russian].

Поступила в редакцию 25.10.2022

Received October 25, 2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.982.9

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-17

Касьянюк Татьяна Николаевна,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Ростовский филиал Российской таможенной
академии, 344002, г. Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, д. 20; генеральный
директор «Центра экспертиз и правового
сопровождения», 344113, г. Ростов-на-Дону,
пр. Космонавтов, д. 27/5, оф. 41 «А»,
email: kawitas@mail.ru

Kas'yanyuk, Tatiana N.,
PhD in Social Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Foreign
Languages, Rostov-on-Don Branch, Russian
Customs Academy, 20 Budyonnyi Prospect, Rostov-
on-Don, 344002, Russian Federation; Director
General, Centre of Expertises and Legal Support,
Office 41 A, 27/5 Kosmonavtov Prospect,
Rostov-on-Don, 344113, Russian Federation,
email: kawitas@mail.ru

Демидченко Юрий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и
криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88;
доцент кафедры уголовно-процессуального
права, Ростовский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66,
email: ydemid_76@mail.ru

Demidchenko, Yury V.,
PhD in Law, Associate Professor at the
Department of Criminal Procedure and
Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal
University, 88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation;
Associate Professor at the Department
of Criminal-Procedure Law, Rostov-on-Don
Branch of the Russian State University of Justice,
66 Lenin Prospect, Rostov-on-Don,
344038, Russian Federation,
email: ydemid_76@mail.ru

ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

EXAMINATION OF INFORMATION MATERIALS WITHIN EXTREMIST AND TERRORIST CASES: METHODS ASPECT OF THE ISSUE

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальным вопросам производства судебной экспертизы по делам экстремистской и террористической направленности, дан анализ основных судебно-экспертных методик по делам данной категории, обосновывается целесообразность введения нового рода судебной экспертизы – экспертизы информационных материалов.

ABSTRACT. The article focuses on the relevant issues of forensic examination within extremist and terrorist cases, the analysis of the main forensic methods in cases of this category is given, and the expediency of introducing a new kind of forensic examination – the examination of information materials is justified.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная экспертиза; информационные материалы; экстремизм; терроризм; дела экстремистской и террористической направленности; методики; экспертиза информационных материалов.

KEYWORDS: forensic examination; information materials; extremism; terrorism; extremist and terrorist cases; methods; examination of information materials.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Касьянюк, Т. Н. Экспертиза информационных материалов по делам экстремистской и террористической направленности: методический аспект вопроса [Текст] / Т. Н. Касьянюк, Ю. В. Демидченко // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 130–134. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-17.

FOR CITATION:

Kas'yanyuk, T. N. Examination of Information Materials within Extremist and Terrorist Cases: Methods Aspect of the Issue [Text] / T. N. Kas'yanyuk, Yu. V. Demidchenko. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 130–134 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-17.

Определение задач судебных экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма, разработкой вопроса соотношения правовых категорий и понятий таких наук, например, как лингвистика, психология, определения вопросов к эксперту, пределов его компетенции рассматриваются в работах ученых, которые сегодня занимаются проблемами теории и практики судебной лингвистической экспертизы: А. Н. Баранова, Ю. А. Бельчикова, Е. И. Галяшиной, М. В. Горбаневского, Т. Н. Секераж, В. О. Кузнецов, О. В. Кукушкиной, Д. А. Леонтьева, Т. В. Назаровой, С. М. Оленникова, М. А. Осадчий, А. М. Плотникова, Ю. А. Сафонова и др. [2, с. 6].

Нельзя не согласиться с Е. И. Галяшиной, которая утверждает, что существующая правовая база противодействия экстремизму, правоприменительная и экспертная практика, научные знания о «языке вражды» обусловили формирование феномена «словесный экстремизм» и потребность в выработке «эффективной экспертно-криминалистической технологии его выявления и предупреждения» [1, с. 28].

При расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской или террористической направленности возникает необходимость установить факты, связанные с содержанием и направленностью информационных материалов¹. В этом случае важную роль играет судеб-

ная экспертиза, объектами которой выступает информационный материал (тексты, изображения, аудиофайлы, видеофайлы, а также их комбинация), отражающий или фиксирующий речевую и коммуникативную деятельность и поведение человека, в том числе являющийся продуктами такой деятельности. Как правило, обычно назначается судебная лингвистическая экспертиза, возможно проведение психологической или религиоведческой, к производству которых привлекаются соответствующие специалисты разных областей знаний (лингвисты, психологи, религиоведы, политологи). Такие судебные экспертизы должны установить особенности (признаки) содержания исследуемого материала, в частности от эксперта требуется решение задачи по установлению наличия/отсутствия в материалах смыслов, значений, которые законодательно определены как недопустимые в публичном обращении. Сегодняшними методиками по делам данной категории установлено, что для обоснования стоящего за правовыми понятиями («экстремистская деятельность», «призыв», «возбуждение вражды (ненависти, розни)», «оправдание определенных действий и взглядов (например, терроризма)», «унижение человеческого достоинства» и др.) предмета экспертного исследования, должны быть определены некие маркеры (психологические, лингвистические, религиоведческие и др.), способные продемонстрировать реализацию этих смыслов, значений с точки зрения той или иной области специальных знаний. В экспертной практике такие смыслы, значения получили название «экстремистские» [3, с. 11].

Потребность назначения по делам о преступлениях экстремистской или террористиче-

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

ской направленности комплексных экспертиз связана с многообразием способов выражения одного и того же смысла – одним словом, предложением, целым текстом, видеорядом или имплицитно, когда адресата подводят к конкретному выводу. Поэтому проведение соответствующего анализа информационного материала требует во многих случаях применения специальных знаний: так, профессиональный лингвистический анализ дает возможность выявить и вербализовать обязательные компоненты смысла, психологический – субъективные, социальные установки автора, общую социальную направленность материала. Соответственно, лингвистический и психологический анализ создает объективную основу для последующей правовой оценки материала.

В судебно-экспертных учреждениях Минюста России по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма, проводятся комплексные психолого-лингвистические экспертизы в соответствии с методикой, которая была разработана в 2011 году по поручению Правительства Российской Федерации в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России [4].

В 2015 году на основании решения заседания Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба Минюста России совместно с СК РФ, МВД России и ФСБ России выработаны две типовые межведомственные методики – методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности и методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма [5; 6].

Создание межведомственных типовых методик по данной категории дел позволяет решать проблему проверки обоснованности и достоверности сделанных выводов эксперта и оценки заключения эксперта.

Основной задачей методики комплексной экспертизы материалов экстремистской направленности является установление наличия/отсутствия в исследуемых объектах «экстремистского» значения, законодательно запрещенного для публичного выражения – так называемых специальных признаков: побуждение/призыв, пропаганда взглядов/идеологии, оправдание определенных действий и взглядов, угроза применения насилия, униже-

ние достоинства человека либо группы лиц, возбуждение вражды. Эти специальные признаки соотнесены с правовыми понятиями, содержащимися в статьях УК РФ, имеющих отношение к экстремистским и террористическим преступлениям, и федеральных законах № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности», № 35-ФЗ от 06.03.2006 «О противодействии терроризму». При этом эксперт не дает правовую оценку деяния (как экстремистской или террористической деятельности). Комплексный (лингвистический и психологический) анализ информационных материалов с целью установления речевой (коммуникативной) цели, реализуется ли то или иное «экстремистское» значение (как совокупность реализации в тексте лингвистических и психологических признаков того или иного значения), создает объективную основу для последующей правовой оценки материала [3, с. 11, 27].

В связи с актуальностью решения экспертных задач, обусловленных применением новых правовых норм законодательства Российской Федерации, регулирующих действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 УК РФ, ст. 20.3.3 КоАП РФ), при исследовании информационных материалов также назначается комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза. При ее проведении используется методический подход в соответствии с судебно-экспертной методикой комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма. Сущность методического подхода – в установлении методами лингвистического и психологического анализа представленного на исследование объекта признаков «дискредитации» и «побуждения». При этом «Понятие “дискредитация (использования Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопас-

ности)», равно как и «побуждение», является экспертным, представляет собой новое «экстремистское» значение...»¹.

Юридическое значение экспертизы такого вида заключается в применении статьи 280.3 УК РФ² и статьи 20.3.3 КоАП РФ³, которые предусматривают ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях.

Методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма, является качественной судебно-экспертной методикой тестирования (СЭМТ).

Таким образом, экспертная практика показывает, что по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, сегодня назначают как однородные экспертизы – лингвистические, психологические, религиозные, так и комплексные – психолого-лингвистические экспертизы, в том числе с привлечением религиоведа.

При этом остается открытым вопрос об объективности, целесообразности и значимости для следствия, суда назначения однородной либо комплексной экспертизы, а также определения рода и вида такой экспертизы (какие именно специалисты должны быть привлечены к ее проведению). Отсутствие у инициатора экспертизы понимания, что по данной категории дел назначение судебной экспертизы того

¹ Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности», утвержденное Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. 2022.

² Введена Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Введена в действие Федеральным законом от 25.03.2022 № 62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

или иного рода (лингвистической, психологической или комплексной) напрямую зависит от типа объекта (характера информационного материала), нередко вызывает у него трудности при оценке выполненного заключения эксперта как доказательства в процессе доказывания в силу сомнений в объективности и правильности сделанных выводов (например, если в заключении эксперт-психолог устанавливает скрытые (имплицитно выраженные) смыслы текста/речи, или эксперт-лингвист дает оценку психологическому воздействию и восприятию информации адресатами, основываясь при этом на своем личном опыте, применяя субъективный подход и др.).

В случаях, когда исследованию подлежит информационный материал, имеющий вербальную и невербальную составляющую (видеоролики, материалы блогов, демотиваторы, плакаты), следует проводить комплексную психолого-лингвистическую экспертизу. Если же информационный материал представлен только вербальным или невербальным компонентом, возможно назначение однородной экспертизы – лингвистической или психологической. При оценке религиозных, философско-религиозных текстов первичной должна стать экспертиза с привлечением специалиста-религиоведа.

Таким образом, практика расследования преступлений экстремистской направленности показывает, что сегодня целесообразно говорить о создании нового рода/вида экспертизы – экспертизы информационных материалов. При назначении такой экспертизы, в зависимости от типа объекта исследования и характера экспертных задач, ее производство будет поручено именно тем экспертам, кто с учетом специфики объекта исследования обладает необходимыми специальными знаниями. Развитие современной судебной экспертологии, направленное на решение экспертно-методических задач и формирование единых судебно-экспертных методик, служит оптимизации судебно-экспертной деятельности, в том числе и при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.

Литература

1. *Галяшина, Е. И.* Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения [Текст] / Е. И. Галяшина // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7. – С. 25–41.
2. *Кузнецов, В. О.* Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. О. Кузнецов ; Российский Федеральный центр суд. экспертизы при Министерстве юстиции РФ. – Москва, 2021. – 26 с.
3. *Кукушкина, О. В.* Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [Текст] / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. – Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.
4. *Кукушкина, О. В.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по материалам, связанным с противодействием экстремизму [Текст] / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. – Москва : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 326 с.
5. Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (№ 11/П/2-184). Одобрен и рекомендован к применению НАК (протокол от 12.02.2019 № 11/П/2-180ДСП).
6. Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности (№ 11/П/2-183). Одобрен и рекомендован к применению НАК (протокол от 12.02.2019 № 11/П/2-180ДСП).

References

1. *Galyashina, E. I.* Examination of extremist materials: problems of methodological and informational support [Text] / E. I. Galyashina // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). – 2018. – № 7. – P. 25–41 [in Russian].
2. *Kuznetsov, V. O.* Modern trends in the formation and development of expert concepts as an element of the language of forensic expert science [Text] : synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law / V. O. Kuznetsov ; Russian Federal Center Court. expertise at the Ministry of Justice of the Russian Federation. – Moscow, 2021. – 26 p. [in Russian].
3. *Kukushkina, O. V.* Methodology of psychological and linguistic examination of materials on cases related to countering extremism and terrorism [Text] / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerage. – Moscow : Federal budgetary institution Russian Federal Center for Forensic Examination under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2014. – 98 p. [in Russian].
4. *Kukushkina, O. V.* Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic expertise on materials related to countering extremism [Text] / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerage. – Moscow : Federal budgetary institution Russian Federal Center for Forensic Examination under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2011. – 326 p. [in Russian].
5. Standard interdepartmental methodology of complex psychological and linguistic expertise in cases related to the manifestation of extremism and terrorism (No. 11/P/2-184). Approved and recommended for use by the NAC (Protocol No. 11/P/2-180DSP dated 12.02.2019) [in Russian].
6. Standard interdepartmental methodology of linguistic expert research of extremist materials (No. 11/P/2-183). Approved and recommended for use by the NAC (Protocol No. 11/P/2-180DSP dated 12.02.2019) [in Russian].

Поступила в редакцию 25.10.2022

Received October 25, 2022

Разогреева Анна Михайловна

кандидат юридический наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
криминологии, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: amrazogreeva@sfedu.ru

Razogreeva, Anna M.,

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminal
Law and Criminology, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: amrazogreeva@sfedu.ru

Герашенко Алексей Александрович,

студент 3-го курса магистратуры,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: agerashenko@sfedu.ru

Gerashchenko, Aleksey A.,

Third-year Master's Student,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: agerashenko@sfedu.ru

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ИНТЕРФЕЙС РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ

ANTI-CORRUPTION INTERFACE OF THE RUSSIAN SCHOOL

АННОТАЦИЯ. В статье авторами с помощью научного концепта «интерфейс» из области культурной гуманитаристики (Л. Манович и др.) проанализирована антикоррупционная поверхность российской школы, от официального сайта Министерства просвещения РФ до сайтов отдельных школ. Мы смещаемся от содержательного анализа антикоррупционных процедур и алгоритмов получения образовательных услуг (правила поступления, отчисления, перевода обучающихся и др.) в звене средней школы к способам их представления для потенциальных пользователей и оценки их удобства. В ходе исследования было обнаружено улучшение качества интерфейса информационной поверхности по мере приближения к непосредственно заинтересованным лицам: так, при всей простоте и несовершенстве дизайнерского решения и наполнения сайта конкретной школы, ее интерфейс оказывается более дружелюбным к пользователю, нежели гораздо более дорогостоящий сайт Министерства просвещения Российской Федерации. Для повышения антикоррупционного потенциала воздействия информационного наполнения ресурсов образовательных учреждений среднего общего образования в сети Интернет мы предлагаем не смешивать целевую аудиторию (сотрудников учреждения и обучающихся (их представителей)) как адресной группы получения информации, обеспечивать возможность прямого открытия документов (без обязательной необходимости их скачивания), реализации обратной связи через удобные автоматические формы.

ABSTRACT. The authors, applying the 'interface' scientific concept of the cultural humanitaristics (Manovich, L., et al.), analyse the anti-corruption 'surface' of the Russian school, covering from the official website of the Ministry of Education of the Russian Federation to the websites of individual schools. The authors indicate a shift from the detailed analysis of the anti-corruption procedures and algorithms of educational services obtaining (entry rules, dismissal rules, transfer of pupils and students, etc.) at the secondary school stage to the ways of the services presentation to the potential users and assessment of their convenience. The study indicates the quality improvement of the information surface interface when directly approaching the parties interested: the website of an individual school, despite its design and content simplicity and imperfection, turns out to be friendlier to the users than much more expensive and elaborate website of the Ministry of Education of the Russian Federation. To increase the anti-corruption potential of the impact of information content of the resources of educational establishments of the secondary general schooling stage in the Internet, the authors propose that the target audience (employees of the establishments and pupils and students and their representatives) as the address group of information receipt should not be mixed, that a possibility should be provided to open the documents directly (without their obligatory downloads), and that the feedback should be in convenient automatic ways.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интерфейс; антикоррупционная политика; сайт; информация; школа.

KEYWORDS: interface; anti-corruption policy; website; information; school.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Разогреева, А. М. Антикоррупционный интерфейс российской школы [Текст] / А. М. Разогреева, А. А. Геращенко // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 135–143. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-18.

FOR CITATION:

*Razogreeva, A. M. Anti-Corruption Interface of the Russian School [Text] / A. M. Razogreeva, A. A. Gerashchenko. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 135–143 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-18.*

Введение. Антикоррупционная политика в течение последних двадцати лет является одним из приоритетных направлений в деятельности российского государства. Среди объектов ее воздействия особое значение имеет система образования: ее качественная работа важна для формирования законопослушного гражданина в будущем и значительным образом (наряду с медициной, ЖКХ и работой правоохранительных органов и судов) влияет на уровень доверия населения к власти. Одним из важных элементов при оценке антикоррупционного потенциала образовательных институций является не только набор проводимых мероприятий и количество лиц, привлеченных к разным видам ответственности за коррупционные правонарушения, но и создание удобного и ясного пользовательского интерфейса для потребителя.

Под интерфейсом в настоящем тексте мы понимаем информационную поверхность системы образования и отдельных образовательных учреждений, которая доступна для каждого жителя страны (города, района). Концепт интерфейса в социальных науках активно используется с начала нулевых с легкой руки исследователя современных медиа- и софт-культуры Льва Мановича. В своем каноническом тексте «Язык новых медиа» он придает концепту интерфейса универсальное аналитическое значение: «Как только окно браузера заменило и вместило в себя кино, телевизионный экран, стену в галерее и библиотеку, новая модель заявила о себе: вся прошлая и современная культура демонстрировалась и воспринималась посредством компьютера и через призму логики пользовательского интерфейса» [1, с. 100].

В этом тексте мы анализируем доступную для рядового пользователя (учащегося, родителя, иного заинтересованного лица) инфор-

мационную поверхность российской школы с точки зрения доступности, понятности, полезности, возможности обратной связи и иных характеристик «правильного» интерфейса в части понимания вынесенных на эту поверхность элементов антикоррупционной активности.

Министерство просвещения Российской Федерации: цифровая поверхность. Обычный пользователь не пошел бы таким путем: для него имеет значение конкретная школа, в которую поступает или в которой учится ребенок. Но мы все же решили начать анализ с официального сайта Министерства просвещения (<https://edu.gov.ru>), которое в целом должно задавать алгоритм представления и размещения информации для всей системы общего образования, среднего профессионального образования, дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых.

Раздел «Противодействие коррупции» расположен на главной странице сайта в правом верхнем углу. Данный раздел содержит следующие подразделы: нормативные правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции, антикоррупционная экспертиза (публикация результатов проведения независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения), методические рекомендации; формы документов, связанных с противодействием коррупции, для заполнения; сведения о доходах; комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов; обратная связь для сообщений о фактах коррупции.

Когда/если пользователь идет по ссылкам, он оказывается на официальном Портале пра-

вовой информации (<http://pravo.gov.ru>), где размещены тексты нормативных актов в сфере коррупции в актуальной редакции. «Антикоррупционная экспертиза» отсылает на сайт Федерального портала проектов нормативных актов (<https://regulation.gov.ru>). Формы для заполнения данных о доходах и расходах предлагают заинтересованному сотруднику ведомства перейти для заполнения на официальный сайт государственной информационной системы в области государственной службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или на официальный портал интернет-представительства Президента России. Сведения о доходах/расходах – на страницу, где эти данные можно только скачать в формате *docx, по каждому сотруднику отдельно.

Методические материалы переадресовывают нас на страницу с перечнем брошюр, каждую из которых нам предлагают открыть/скачать в формате *pdf. Изучив их, мы можем отметить следующее:

– брошюра «Что такое коррупция и как с ней бороться». Акцент смещен в сторону раскрытия исторических и теоретических основ коррупции, ее социальной опасности. При подготовке издания использовалась информация, содержащаяся в официальных изданиях правоохранительных органов, средствах массовой информации, справочных, монографических и иных изданиях по проблемам противодействия коррупции.

– брошюра «Государственному служащему о коррупции». Данный материал также основан на информации правоохранительных органов, средств массовой информации, справочных, монографических и иных изданий по проблемам противодействия коррупции. Брошюра разъясняет суть конфликта интересов и коррупции, типовые случаи конфликта интересов и порядок их урегулирования, характеризует участников коррупции, коррупционные правонарушения.

– брошюра «Старт во взрослую жизнь. Подростку (14–18 лет) о его правах, обязанностях и ответственности». Этот материал ориентирован на ознакомление обучающихся с системой общего образования, разъясняет правовые основы прав, обязанностей и ответственности подростков в зависимости от возраста, указывает органы государственной

власти, куда может обратиться за помощью учающийся.

– брошюра «Наши права и обязанности: изучаем вместе» – информационный материал для образовательных организаций, детализирующий понятие и сущность правонарушения, юридической ответственности. Указанные брошюры относятся к методическим рекомендациям по противодействию коррупции.

– обзор рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки.

– методические рекомендации по заполнению формы представления сведений об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим или муниципальным служащим, гражданином Российской Федерации, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации или муниципальной службы, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать (с образцом заполнения формы представления сведений).

– справочная информация Министерства труда и социальной политики Российской Федерации по вопросу представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

– методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции с приложениями:

а) Приложение 1 – это сборник положений нормативных правовых актов, устанавливающих меры ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

б) Приложение 2 – содержит международные соглашения по вопросам противодействия коррупции в коммерческих организациях и методические материалы международных организаций;

в) Приложение 3 – нормативные правовые акты зарубежных государств по вопросам про-

тиводействия коррупции, имеющие экстерриториальное действие;

г) Приложение 4 – обзор типовых ситуаций конфликта интересов;

д) Приложение 5 – типовая декларация конфликта интересов;

е) Приложение 6 – антикоррупционная хартия российского бизнеса.

– письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 17-1/10/1-248 «О разъяснении практики применения статьи 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

– разъяснения по применению Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции.

– методические рекомендации «О мерах по повышению эффективности работы по профилактике и противодействию коррупционных правонарушений в организациях, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации».

– разъяснения по отдельным вопросам, связанным с применением Типового положения о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10.

Ссылка «Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов» отправляет нас на новую страницу, где размещены два файла для скачивания в формате *.docx – о составе комиссии и текст соответствующего ведомственного приказа.

Форма «Обратная связь» предлагает нам писать сообщение о фактах нарушения антикоррупционного законодательства на адрес электронной почты министерства и предупреждает об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Последняя рубрика – «Доклады и отчеты, обзоры, статистическая информация» – по ссылке открывается на странице с результатами опроса об оценке работы, проводимой Отделом организационно-аналитического обеспечения и профилактики коррупции Министерства просвещения в 2021 году, где 67,65 % оценивают ее как низкую.

В принципе, эта оценка вполне совпадает с нашей в части устройства антикоррупционного интерфейса ведомства. Основные претензии, которые можно адресовать ведомству в этой плоскости, можно суммировать следующим образом:

1. Данные для внешних и для внутренних (сотрудников ведомства) пользователей не отсортированы. Родителю или учащемуся не интересно и не нужно знать ничего о форме заполнения декларации должностных лиц министерства.

2. Много «мусорной» информации. Отсылка к рамочным нормативным актам и (или) рекомендациям (типа Антикоррупционной хартии российского бизнеса), которые не содержат полезной информации, специфицированной под деятельность ведомства, быстро утомляют потенциального пользователя.

3. Полезная информация размещена в виде документов для скачивания единичными файлами, что снижает пользовательскую активность.

4. Форма обратной связи через электронную почту сводит к минимуму возможность обращения. Готовая форма или чат-бот (при всем раздражении, который он вызывает) в этом смысле гораздо эффективнее.

5. Содержание информации – в части брошюр – не содержит практических рекомендаций об алгоритмах действий в случае, когда учащиеся и (или) родители сталкиваются с потенциальными фактами коррупции.

Школы про коррупцию: унификация и уникальность. В рамках проводимого исследования мы посмотрели также, как устроен антикоррупционный интерфейс реальных российских школ (табл. 1). Выборка учебных заведений осуществлена по географическому принципу и таким образом, чтобы проследить особенности реализации антикоррупционной политики в различных регионах страны: как в

мегаполисах, так и в небольших населенных пунктах. Общее – раздел об антикоррупционной деятельности есть на сайте каждой школы – на главной странице. В нем во всех школах включен в формате документа для скачивания план мероприятий по профилактике коррупции.

Таблица 1. Антикоррупционный интерфейс реальных российских школ

Наименование учебного заведения	Локальный правовой акт	Особенности
ГБОУ г. Москвы Школа № 867 [8]	План мероприятий по противодействию коррупции ГБОУ Школа № 867 на 2020–2021 учебный год, утв. Приказом Директора ГБОУ Школа № 867 № 149/1 от 14.06.2019	<ul style="list-style-type: none"> – совершенствование интернет-ресурсов, локальных сетей образовательного учреждения, обеспечение электронного взаимодействия с органами государственной власти и управления другими образовательными учреждениями; – организация и проведение недели правовых знаний с целью повышения уровня правосознания и правовой культуры детей и родителей; – проведение месячника гражданской сознательности; – информирование родителей (законных представителей) о правилах приема в ОУ
ГБОУ г. Санкт-Петербурга Школа № 593 [7]	План мероприятий по противодействию коррупции на 2020–2021 учебный год, утвержден Приказом Директора ГБОУ СОШ «Школа № 593» от 31.08.2021	<ul style="list-style-type: none"> – проведение в течение года опросов общественного мнения, социологических исследований по вопросам предоставления образовательных услуг среди обучающихся и их родителей (законных представителей); – размещение на официальном сайте учреждения в сети Интернет Публичного доклада, Плана финансово-хозяйственной деятельности и Государственного задания с отчетом об их исполнении; – обсуждение вопроса антикоррупционного образования на родительских собраниях, проведение комплекса мероприятий в процессе антикоррупционного образования: классные часы, беседы, лекции, диспуты, дискуссии; – информирование родителей (законных представителей) о правилах приема в ОУ
ГБОУ г. Санкт-Петербурга СОШ № 580 [9]	План работы по противодействию коррупции на 2020–2021 учебный год, утвержден Приказом ГБОУ школы № 580 Приморского района Санкт-Петербурга от 24.08.2020 № 37/12-о	<ul style="list-style-type: none"> – самоанализ деятельности Образовательного учреждения, публикация самоанализа на сайте ОУ; – ежемесячный отчет по итогам рассмотрения личных обращений, обращений в электронном виде – на сайте ОУ, электронной почте; – проведение анкетирования по вопросам противодействия коррупции в школе: родителей, обучающихся, педагогов; – установлен контроль над осуществлением приема обучающихся в 1-й класс обучения, а также детей в дошкольное отделение
МБОУ г. Ростова-на-Дону Школа № 61 [10]	План мероприятий по противодействию коррупции на 2020–2021 годы в муниципальном МБОУ города Ростова-на-Дону «Школа № 61», приказ Директора МБОУ «Школа № 61» № 8 от 09.01.2020	<ul style="list-style-type: none"> – изучение проблемы коррупции в государстве в рамках тем учебной программы на уроках обществознания; – встреча родительской общественности с представителями правоохранительных органов; – организация контроля за целевым использованием бюджетных средств ОУ, финансово-хозяйственной деятельностью, в том числе за распределением стимулирующей части ФОТ; – усиление контроля за осуществлением набора в первый класс, обеспечение соблюдения правил приема, перевода и отчисления обучающихся из МБОУ «Школа № 61»

Окончание таблицы 1

Наименование учебного заведения	Локальный правовой акт	Особенности
МБОУ г. Ростова-на-Дону Школа № 40 имени Восьмой Воздушной Армии [11]	План по противодействию коррупции в МБОУ «Школа № 40» на 2021 год; приказ Директора МБОУ «Школа № 40» от 30.12.2020 № 433	– организация контроля за предоставлением платных образовательных услуг и привлечением благотворительных средств родителей в образовательном учреждении; – установлен контроль над осуществлением приема обучающихся в 1-й класс обучения, а также детей в дошкольное отделение
МБОУ «Ждимирская СОШ» (с. Ждимир, Орловская область) [6]	План мероприятий по антикоррупционной пропаганде на 2020–2021 год МБОУ «Ждимирская СОШ»: утвержден Приказом Директора МБОУ «Ждимирская СОШ» б/н	– обеспечение порядка регистрации и проведения проверки по поступившему представителю нанимателя (работодателя) уведомлению о фактах обращения в целях склонения сотрудника школы к совершению коррупционных правонарушений; – оперативное реагирование на публикации и сообщения в СМИ о коррупционных проявлениях в школе в соответствии с Порядком взаимодействия органов и территориальных подразделений администрации района при реагировании на критические и проблемные материалы в средствах массовой информации; – вопросы поступления обучающихся данным планом не регулированы
МАОУ г. Екатеринбург СОШ № 26 [5]	План антикоррупционного просвещения работников МАОУ СОШ № 26 на 2021 год от 30.12.2020 № 155-д	– отсутствие акцента на необходимости просвещения детей и родителей; – отсутствие конкретных мероприятий по профилактике коррупции; – вопросы поступления обучающихся данным планом не регулированы
МБОУ «СОШ № 7» Алексеевского городского округа [4]	План реализации антикоррупционных мероприятий в МБОУ «СОШ №7» в 2021 году	– проведение родительских собраний с целью разъяснения политики школы в отношении коррупции; – вопросы поступления обучающихся данным планом не регулированы
МКОУ «Шумская СОШ» с. Шум, Ленинградская область [3]	План мероприятий по предупреждению коррупции в МОУ «Шумская средняя общеобразовательная школа» на 2021–2023 гг.	– персональное возложение обязанности распространения действия положений локальных нормативных актов на всех работников учреждения независимо от занимаемой должности, в том числе руководителя в МКОУ «Шумская СОШ»; – организация и проведение социологического исследования среди родителей воспитанников, посвященного отношению к коррупции («Удовлетворенность потребителей качеством услуг»); – вопросы поступления обучающихся данным планом не регулированы

Как мы видим, школы в качестве адресатов антикоррупционного воздействия определяют три категории пользователей:

– персонал – характерной особенностью мероприятий, направленных на профилактику коррупции, является усиление персональной ответственности работников образовательных учреждений за коррупционные правонарушения. Устанавливается персональная ответственность работников школы за неправомерное принятие решения в рамках своих

полномочий, корректируются должностные инструкции в соответствии с планами;

– родители – причем акцент делается на родительский состав обучающихся детей, а также родителей, которые планируют обучение своих детей в конкретном образовательном учреждении. В частности, обеспечивается постоянное информирование граждан об их правах на получение образования. Кроме этого, в некоторых школах организовываются встречи родительской общественности с представителями

правоохранительных органов и т. д. Особенностью локальных правовых актов в данном ключе также выступает проведение ежегодного опроса родителей (законных представителей) обучающихся, воспитанников с целью определения степени их удовлетворенности работой образовательного учреждения, качеством предоставляемых услуг.

– обучающиеся – рассмотренные планы по противодействию коррупции содержат в подавляющем большинстве конкретные мероприятия об организации антикоррупционного просвещения детей, например проведение месячника гражданской сознательности (проведение классных часов, тематических конкурсов среди обучающихся, их родителей), организация и проведение недели правовых знаний с целью повышения уровня правосознания и правовой культуры детей и родителей, как это реализуется, например, в ГБОУ г. Москвы «Школа № 867».

Отличает разные школы в этих планах восприятие процесса цифровизации. Так, например, в плане по противодействию коррупции ГБОУ г. Москвы «Школа № 867» определено «совершенствование интернет-ресурсов, локальных сетей образовательного учреждения, обеспечение электронного взаимодействия с органами государственной власти и управления другими образовательными учреждениями». Или: «ежемесячный отчет по итогам рассмотрения личных обращений, обращений в электронном виде – на сайте образовательного учреждения, электронной почте», – как это закреплено в плане по противодействию коррупции ГБОУ г. Санкт-Петербурга СОШ № 580. В это же время в большинстве изученных локальных правовых актов об интернет-коммуникациях не указано.

Стоит отметить готовность ряда образовательных учреждений проводить опросы родителей и персонала. Так, например, организация и проведение социологического исследования среди родителей воспитанников, посвященные отношению к коррупции («Удовлетворенность потребителей качеством услуг») закреплены в плане противодействия коррупции МКОУ «Шумская СОШ» с. Шум Ленинградской области. Схожее мероприятие, а именно проведение анкетирования по вопросам противодействия коррупции в школе: родителей, обучающих-

ся, педагогов, – предусматривается в ГБОУ г. Санкт-Петербурга СОШ № 580.

Особо нужно отметить различия рассмотренных локальных правовых актов в части организации поступления обучающихся. Так, в планах противодействия коррупции МКОУ «Шумская СОШ» с. Шум, Ленинградская область, МБОУ «СОШ № 7» Алексеевского городского округа, МАОУ г. Екатеринбург СОШ № 26, МБОУ «Ждмирская СОШ» (с. Ждмир, Орловская область) вопросы поступления обучающихся планами не регулированы. В иных планах антикоррупционные меры сводятся к информированию и констатации факта установления контроля, отсутствует конкретный механизм, описывающий каким образом образовательное учреждение обеспечивает выполнение требований законодательства о противодействии коррупции.

При оценке антикоррупционного наполнения и доступа к нему на сайтах отдельных школ можно обозначить следующее:

1. В отличие от сайта Минпросвещения отсутствует система перехода на другие информационные ресурсы, что можно считать плюсом с точки зрения пользователя.

2. Информация носит конкретизированный характер в привязке к определенной школе. Поскольку наибольшее коррупционное напряжение возникает при «входе» в школы – поступление по месту жительства – вопрос о правилах поступления в большинстве случаев выделен самостоятельно и имеет достаточно ясный характер. Отсутствие доступа к этим данным на сайтах – существенный недостаток.

3. Так же, как и на уровне федерального министерства, на сайтах школ в разделе «Противодействие коррупции» смешивается целевая аудитория – сотрудники и учащиеся/родители. Для каждой группы должен существовать различный интерфейс, решающий разные задачи.

4. Обратная связь, осуществляемая через электронную почту, не является эффективным способом коммуникации, однако целевые опросы выглядят и технически, и содержательно привлекательнее для пользователей, чем аналогичный на официальном сайте Минпросвещения.

5. Различия в технических решениях и содержательной «начинке» сайтов отдельных школ выглядят вполне нормально и приближают их к населению, делая узнаваемыми.

Выводы. Мы проанализировали устройство антикоррупционного интерфейса на различных уровнях – генерализованном (Министерство просвещения РФ) и локализованном (отдельные средние школы в различных регионах и населенных пунктах). Общее соображение – интерфейс нельзя назвать дружелюбным, но, вместе с тем, на низовом уровне при худшем дизайнерском решении он оказывается более человекоориентированным. Смещение целевой аудитории, невозможность прямого открытия документов (необходимо их скачивание), обратная связь через электронную почту существенно снижают потенциал антикоррупционного воздействия в системе общего среднего образования.

Литература

1. Манович, Л. Язык новых медиа [Текст] / Л. Манович. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
2. План работы по противодействию коррупции на период с 01.01.2021 по 31.12.2021 по МОУ «Шугозерская СОШ» : утвержден распоряжением Директора МОУ «Шугозерская СОШ» от 28.12.2020 № 149 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МОУ «Шугозерская СОШ». – URL: http://shcoolshugozero.ucoz.ru/bezopasnost/plan_antikrrupcija.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
3. План мероприятий по предупреждению коррупции в МГОУ «Шумская СОШ» на 2021–2023 гг. : утвержден Приказом Директора МГОУ «Шумская СОШ» от 15.01.2021 № 4 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГОУ «Шумская СОШ». – URL: http://шумская-школа.рф/docs/2021_01_22/y7kYndyH3dGHHYhQ7KFyD3Zyk.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
4. План реализации антикоррупционных мероприятий в МБОУ «СОШ № 7» в 2021 году : утвержден Приказом Директора МБОУ «СОШ № 7» от 11.01.2021 № 3 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МБОУ «СОШ № 7». – URL: <http://ash7.bip31.ru/wp-content/uploads/2018/04/Plan-realizacii-antikorrupcionnykh-meropriyatij-v-MBOU-SOSH-N7-v-2021.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).
5. План антикоррупционного просвещения работников МАОУ СОШ № 26 на 2021 год : утвержден Приказом Директора МАОУ СОШ № 26 от 30.12.2020 № 155-д [Электронный ресурс] – // Официальный сайт МАОУ СОШ № 26. – URL: https://s26.ucoz.org/schools/dokument/Korruptsion/prikaz_maou_sosh_26_ot_30.12.2020-g_155-d_ob_utver.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
6. План мероприятий по антикоррупционной пропаганде на 2020–2021 год МБОУ «Ждимирская СОШ» : утвержден Приказом Директора МБОУ «Ждимирская СОШ» б/н [Электронный ресурс] // Официальный сайт МБОУ «Ждимирская СОШ». – URL: <http://zhdimir-sosh.obr57.ru/media/ckeditor/zhdimir-sosh-adm/2020/10/29/>

[plan-meroprijat-po-korupc.pdf](#) (дата обращения: 24.03.2021).

7. План мероприятий по противодействию коррупции ГБОУ Школа № 867 на 2020–2021 учебный год : утвержден Приказом Директора ГБОУ Школа № 867 № 149/1 от 14.06.2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБОУ Школа № 867. – URL: https://sch867u.mskobr.ru/attach_files/upload_users_files/5fa8e2a16641a.pdf (дата обращения: 24.03.2021).

8. План мероприятий по противодействию коррупции на 2020–2021 учебный год : утвержден Приказом Директора ГБОУ СОШ «Школа № 593» от 31.08.2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБОУ СОШ «Школа № 593». – URL: <https://school593.ru/upload/editor/files/2020-2021/protivodeistvie-korrupcii/ПЛАН%20мероприятий%20по%20противодействию%20коррупции%202020-2021.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

9. План работы по противодействию коррупции на 2020/2021 учебный год : утвержден Приказом ГБОУ школы № 580 Приморского района Санкт-Петербурга от 24.08.2020 № 37/12-о [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБОУ школы № 580 Приморского района Санкт-Петербурга. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1MWExUEchmoiHQTcbNoEzKsM6jUuHvzVY/view> (дата обращения: 24.03.2021).

10. План мероприятий по противодействию коррупции на 2020–2021 годы в МБОУ города Ростова-на-Дону «Школа № 61» : приказ Директора МБОУ «Школа № 61» № 8 от 09.01.2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МБОУ города Ростова-на-Дону «Школа № 61». – URL: <http://rndschooll61.org.ru/upload/план%20мероприятий.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

11. План по противодействию коррупции в МБОУ «Школа № 40» на 2021 год : приказ Директора МБОУ «Школа № 40» от 30.12.2020 № 433 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МБОУ «Школа № 40». – URL: <https://school-40.ru/wp-content/uploads/2021/01/prikaz-antikor-2020-1.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

References

1. Manovich, L. Language of new media [Text] / L. Manovich. – Moscow : Ad Marginem Press, 2018. – 400 p. [in Russian].
2. The anti-corruption work plan for the period from 01.01.2021 to 31.12.2021 for the Shugozerskaya secondary school : approved by the order of the Director of the Shugozerskaya secondary school dated 28.12.2020 No. 149 [Electronic resource] // Official website of the Shugozerskaya secondary school. – URL: http://shcoolshugozero.ucoz.ru/bezopasnost/plan_antikrrupcija.pdf (date of application: 24.03.2021) [in Russian].
3. Action plan for the prevention of corruption in Shumskaya Secondary School for 2021–2023 : approved by the Order of the Director of the Shumskaya Secondary School dated January 15, 2021 No. 4 [Electronic resource]. – URL: http://шумская-школа.рф/docs/2021_01_22/y7kYndyH3dGHHYhQ7KFyD3Zyk.pdf (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

4. Plan for the implementation of anti-corruption measures in Secondary School No. 7 in 2021 : approved by the Order of the Director of Secondary School No. 7 dated 11.01.2021 No. 3 [Electronic resource]. – URL: <http://ash7.bip31.ru/wp-content/uploads/2018/04/Plan-realizacii-antikorrupcionnykh-meropriyatij-v-MBOU-SOSH-N7-v-2021.pdf> (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

5. Anti-corruption education plan for employees of Secondary school No. 26 for 2021 : approved by Order of the Director of Secondary school No. 26 dated December 30, 2020 No. 155-d [Electronic resource]. – URL: https://s26.ucoz.org/schools/dokument/Korrypchia/prikaz_maou_sosh_26_ot_30.12.2020-g_155-d_ob_utver.pdf (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

6. Action plan for anti-corruption propaganda for 2020–2021 Zhdimir secondary school : approved by the Order of the Director of Zhdimir secondary school without number [Electronic resource]. – URL: <http://zhdimir-sosh.obr57.ru/media/ckeditor/zhdimir-sosh-adm/2020/10/29/plan-meroprijat-po-korupc.pdf> (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

7. Anti-corruption action plan of School No. 867 for the 2020–2021 academic year : approved by Order of the Director of School No. 867 No. 149/1 of 14.06.2019 [Electronic resource]. – URL: https://sch867u.mskobr.ru/attach_files/

upload_users_files/5fa8e2a16641a.pdf (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

8. Anti-corruption action plan for the 2020–2021 academic year : approved by the Order of the Director of the Secondary school No. 593 dated 08.31.2021 [Electronic resource]. – URL: <https://school593.ru/upload/editor/files/2020-2021/protivodeistvie-korrupcii/ПЛАН%20мероприятий%20по%20противодействию%20коррупции%202020-2021.pdf> (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

9. Work plan to combat corruption for the 2020/2021 academic year : approved by the Order of the School No. 580 of the Primorsky District of St. Petersburg dated 08.24.2020 No. 37/12-o [Electronic resource]. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1MWExUEchmoiHQTcbNoEzKsM6jUuHvzVY/view> (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

10. Plan of measures to combat corruption for 2020–2021 in the municipal School No. 61, order of the Director of School No. 61 No. 8 dated 09.01.2020 [Electronic resource]. – URL: <http://rndschoo61.org.ru/upload/план%20мероприятий.pdf> (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

11. Plan for combating corruption in School No. 40 for 2021 : order of the Director of School No. 40 dated 30.12.2020. No. 433 [Electronic resource]. – URL: <https://school-40.ru/wp-content/uploads/2021/01/prikaz-antikor-2020-1.pdf> (date of application: 24.03.2021) [in Russian].

Поступила в редакцию 08.10.2022
Received October 08, 2022

УДК 343.9.018

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19

Степанов Константин Владимирович,
кандидат юридических наук, заведующий
кафедрой уголовного процесса и
криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: kstepanov@sfedu.ru

Stepanov, Konstantin V.,
PhD in Law, Head of the Department
of criminal process and forensics,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: kstepanov@sfedu.ru

Малина Максим Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: malina@sfedu.ru

Malina, Maksim A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of criminal process and forensics,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: malina@sfedu.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА, А ТАКЖЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

PROBLEMS WITH THE USE SPECIALIST'S CONCLUSION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND RESULTS OF FORENSIC EXAMINATIONS OF NON-STATE FORENSIC INSTITUTIONS

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются существующие в мировой практике модели привлечения специальных знаний при производстве по уголовному делу и на этой основе исследуются вопросы обеспечения законности использования в российском уголовном процессе такого вида доказательств, как заключение специалиста. С учетом несомненной важности использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве обосновывается точка зрения, согласно которой должна быть сохранена возможность назначения судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовное судопроизводство; специальные знания; заключение специалиста; судебная экспертиза; доказательства.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Степанов, К. В. Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений [Текст] / К. В. Степанов, М. А. Малина // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 144–148. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19.

ABSTRACT. The article examines the existing models of attracting special knowledge in criminal proceedings in world practice and on this basis examines the issues of ensuring the legality of the use of such a type of evidence as a specialist's conclusion in the Russian criminal trial. Taking into account the undoubted importance of using special knowledge in criminal proceedings, the point of view is justified, according to which the possibility of appointing forensic examinations in non-state forensic institutions should be preserved.

KEYWORDS: criminal proceedings; special knowledge; expert opinion; forensic examination; evidence.

FOR CITATION:

Stepanov, K. V. Problems with the Use Specialist's Conclusion in Criminal Proceedings and Results of Forensic Examinations Of Non-State Forensic Institutions [Text] / K. V. Stepanov, M. A. Malina. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 144–148 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19.

В настоящее время научно-технический прогресс находится на столь высоком уровне развития, что многие вопросы общественной жизни, многие важные направления деятельности нашего государства уже немыслимы без использования специальных знаний из всевозможных отраслей науки и техники. Разнообразны проявления этой тенденции и в правовой сфере [4, с. 87–93]. Не является исключением здесь и российский уголовный процесс. Более того, именно при расследовании и разрешении уголовных дел эффективность доказывания неразрывно связана с расширением возможностей познавательной деятельности ведущего судопроизводства лица – использование специальных знаний здесь выступает важным подспорьем.

В глобальном смысле можно выделить следующие подходы к использованию в уголовном процессе специальных знаний.

Англосаксонская модель. Каждая сторона самостоятельно, по своей инициативе ведет поиск конкретного эксперта, оплачивает его работу, ставит перед ним вопросы и получает соответствующее заключение. Эксперт при этом автономным процессуальным статусом не обладает. Он допрашивается в суде как свидетель стороны защиты или обвинения. Минусы англосаксонской модели очевидны: возможность подбора «выгодных», «лояльных» для сторон экспертов, неравенство сторон перед судом в доказывании (ввиду часто встречающегося различия их финансового потенциала) и др. [1, с. 210].

Континентальная модель. Решение о производстве судебной экспертизы (о выборе эксперта, о постановке перед ним вопросов и др.) принимает *ex officio* ведущее судопроизводство лица. Стороны-частные лица вправе обратиться к нему с соответствующими ходатайствами. Эксперт – это не свидетель обвинения или защиты, а участник уголовного судопроизводства, обладающий самостоятельным процессуальным статусом. В свою очередь континентальная модель обладает не менее значительными недостатками: возможная бюрократичность, незначительная роль сторон в формировании предмета экспертного исследования и соответственно отсутствие состязательности и др. [2, с. 517].

Российская модель развивалась в духе континентальных уголовно-процессуальных тра-

диций. Поэтому на практике частные лица (потерпевший, гражданские иски их представители и участники со стороны защиты) вынуждены были в непроцессуальном порядке обращаться в экспертные учреждения для получения заключений (альтернативная экспертиза). Этот подход схож с англо-саксонским, но процессуальная легитимация результатов таких экспертных исследований, естественно, отсутствовала. 10 июля 2003 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ, дополнивший перечень источников доказательств (ст. 74 УПК РФ) новыми видами – «заключение и показания специалиста». Представляется, что данный шаг представляет собой нормативную регламентацию компромиссной модели использования в уголовном процессе специальных знаний. Таким образом в отношении эксперта сохранен континентальный подход. Специалист же привлекается в процесс лицами, не обладающими властными полномочиями (потерпевший, обвиняемый и др.), по типу англо-саксонской состязательной экспертизы.

Российский законодатель преследовал цель достижения баланса: как ведущее судопроизводство лица, так и потерпевший, частный обвинитель, обвиняемый, подозреваемый, гражданский истец и ответчик (их представители), защитник уполномочены привлекать в процесс специальные знания. И это очень правильный и важный шаг. Например, предоставление такой возможности адвокату защитнику выступает в качестве одной из мер повышения качества оказываемой им юридической помощи. Вопросы повышения значимости роли адвокатуры в уголовном судопроизводстве сегодня очень актуальны [3, с. 44].

Более того, очень ценной представляется возможность сторон самостоятельно представить суду сведения, для получения которых ими привлекался специалист. Это повышает гарантии полноценной реализации в судебном производстве по уголовному делу принципа равноправия и состязательности сторон. Недаром законодатель в части 4 ст. 271 УПК РФ устанавливает правило об обязательном удовлетворении ходатайства о допросе судом специалиста, приглашенного по инициативе сторон.

Представляется, что этот постулат приобретает особую значимость при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. По замыслу авторов Концепции судебной реформы 1991 года, данная форма судопроизводства выступает в качестве средства разрешения нестандартных, сложных ситуаций. Действительно, к компетенции суда с участием присяжных заседателей отнесены наиболее сложные, нестандартные дела, здесь всегда речь идет о рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. Особенность данной модели суда в том, что она содержит повышенные гарантии справедливого разрешения уголовно-правовых споров. А это, в свою очередь, полностью соответствует сущности и назначению российского уголовного процесса – установлению действительно виновного в совершении преступления. Очевидно, что коллегиальная оценка присяжными заседателями заключения и показаний специалиста, осуществляемая с учетом их совокупного жизненного опыта и здравого смысла, позволяет наиболее полно использовать в доказывании специальные знания и выступает действенной мерой для осуществления правосудия с учетом требований социальной справедливости.

При этом остается открытым вопрос: как стороны-частные лица могут получить заключение специалиста, ведь для этого нет и не может быть а priori соответствующего следственного действия.

Представляется, что в качестве средства процессуализации предоставленных специалистом сведений следует использовать его допрос (как в досудебном, так и в судебном производстве). Это выступит гарантией доброкачественности заключения специалиста в доказательственном смысле (предупреждение лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и др.). При этом допрос должен быть посвящен проведенному исследованию (процедура, используемые методы, итоговые и промежуточные результаты, аргументация полученных выводов и пр.). Таким образом полученные по инициативе частных лиц специальные сведения обретут необходимую процессуальную форму, что позволит более полно и объективно использовать специальные знания в целом в доказывании по уголовным делам

Кроме того, в УПК РФ не отражен способ формирования заключения специалиста как доказательства, получаемого следственным путем. Представляется, что данная правовая неопределенность может быть преодолена посредством аналогии закона в отношении положений главы 27 (Производство судебной экспертизы) УПК РФ. Однако более эффективным механизмом было бы формулирование конкретного порядка назначения следователем исследования, по результатам которого будет получен такой вид доказательства как заключение специалиста. Данный порядок должен определить требования к законности процедуры назначения исследования, обеспечить соблюдение прав участников уголовного судопроизводства на предложение своих вопросов специалисту и пр.

Также хотелось бы обратить внимание на положения ч. 2 ст. 17 УПК РФ, в соответствии с которыми никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В этой связи возникает вопрос о соотношении таких видов доказательств как заключение эксперта и заключение специалиста. Очевидно, что недопустимым является подмена заключения эксперта, особенно в случаях обязательного назначения судебной экспертизы, заключением специалиста. В условиях отсутствия определенного порядка получения заключения специалиста данный вид доказательства может являться способом лишить потерпевшего и сторону защиты предусмотренных законом процессуальных прав, свойственных им при назначении судебной экспертизы. Вместе с тем необоснованным будет и такой подход, при котором заключению специалиста будет придаваться второстепенное значение по сравнению с заключением эксперта, так как это снизит возможности стороны защиты и потерпевшего по предоставлению доказательств, полученных с использованием специальных знаний. Не может быть признан правильным подход, при котором заключение эксперта будет оцениваться как более достоверное доказательство лишь по причине того, что оно получено следственным путем. Опять же повторим: никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, это аксиома современного доказательственного права.

Таким образом, одним из способов решения обозначенной проблемы может быть пред-

ложенное выше развитие законодательства, согласно которому будет предусмотрена конкретная процедура получения заключения специалиста следователем. До тех пор, пока не будут внесены соответствующие изменения в закон считаем целесообразным в прокурорской практике оценивать допустимость заключения специалиста, полученного следователем или дознавателем, в зависимости от обеспечения ими прав участников уголовного судопроизводства: возможность ознакомления с документом, которым поручается производство исследования, заявления отвода специалисту, право постановки перед специалистом собственных вопросов к исследованию, возможность ознакомления с заключением специалиста и пр.

Очевидно, что для потерпевшего или стороны защиты невозможно предусмотреть требования к заключению специалиста. Статья 159 УПК РФ предусматривает обязанность следователя приобщить к материалам уголовного дела заключение специалиста, предоставленного стороной защиты или потерпевшим, если оно имеет значение для уголовного дела, что говорит о значимости с точки зрения законодателя данной процессуальной гарантии. В следственной практике возникают казусы, при которых потерпевший или сторона защиты не имеют возможности предоставить органу предварительного расследования обоснованное заключение специалиста по причине отсутствия в их распоряжении соответствующих материалов и отсутствия прямого указания в законе на наличие у этих участников уголовного судопроизводства права на снятие копии с заключения эксперта и с направляемых на исследование материалов до окончания расследования.

При этом судебная практика однозначно указывает на право стороны защиты и потерпевшего снимать копию, как минимум, с заключения эксперта (за свой счет, разумеется). Для расширения использования такого доказательства в прокурорско-следственной практике и увеличения обоснованности заключения специалиста, представленного потерпевшим или стороной защиты, полагаем необходимым обеспечить реализацию вытекающего из закона права указанных лиц на снятие копии с заключения эксперта при ознакомлении с ним с последующим правом использования полученной копии заключения эксперта при под-

готовке заключения специалиста. Вопрос об ознакомлении и снятии копий потерпевшим и стороной защиты с материалов, предоставляемых следователем в распоряжение эксперта, не столь однозначен, так как тайна предварительного расследования ограничивает объем доказательств, с которым следует знакомить таких участников до окончания следственных действий по делу, поэтому разумным представляется оставление данного вопроса на усмотрение следователя.

В отношении привлечения в уголовный процесс специальных знаний путем получения заключения эксперта отметим следующее. Еще И. Я. Фойницкий писал о необходимости обращения к экспертизе в случае, когда у суда отсутствуют «технические сведения и опытность» [5, с. 291]. При этом представляется необходимым сохранение возможности назначения судебных экспертиз и в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. На практике лица, ведущие расследование, обращаются в основном в государственные судебно-экспертные учреждения. Последние действуют при федеральных органах исполнительной власти и при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ст. 11 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г.). Таким образом можно говорить о том, что в России эксперты, имея автономный процессуальный статус, профессионально относятся к исполнительной ветви власти. При этом и следователь (дознаватель), обладая всей полнотой полномочий по назначению судебной экспертизы, также являются представителями исполнительной власти (в организационном смысле). Поэтому практика назначения судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях может играть роль дополнительной гарантии независимости экспертного сообщества в целом.

Более того, представляется целесообразным расширение возможности использования судебных экспертиз, проведенных в негосударственных судебно-экспертных учреждениях либо вне судебно-экспертных учреждений, так как это позволяет уменьшить сроки уголовного судопроизводства и равномерно распределить экспертную нагрузку по всему массиву соответствующих уголовных дел.

При этом Верховный суд РФ в ч. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» отмечал, что в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в статье 70 УПК РФ, т. е. когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, образовательной или иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование.

В прокурорско-следственной практике приведенное требование Верховного суда РФ не соблюдается и назначение судебной экспертизы в негосударственные судебно-экспертные учреждения либо их проведение вне судебно-экспертных учреждений происходит без обоснования невозможности получения такого заключения в государственных экспертных организациях в разумный срок. Полагаем, что в целях соблюдения разъяснений Верховного суда РФ и для обеспечения законности назначения судебной экспертизы в негосударственные судебно-экспертные учреждения либо в случаях ее проведения вне судебно-экспертных учреждений следователю необходимо до назначения таких экспертиз получить от находящихся в регионе государственных судебно-экспертных учреждений уведомление или иной документ о невозможности проведения соответствующей экспертизы либо о длительности сроков такого исследования.

Полагаем, что предложенные рекомендации в сфере использования специальных знаний при производстве по уголовному делу позволят вывести гносеологический аспект уголовно-процессуальной деятельности на новый уровень и тем самым повысить эффективность доказывания. Это в свою очередь послужит повышению гарантий справедливого рассмотрения уголовно-правовых конфликтов и в целом – совершенствованию отечественного уголовного судопроизводства.

Литература

1. Бернам, У. Правовая система Соединенных Штатов Америки [Текст] / У. Бернам. – Москва : Новая юстиция, 2006.
2. Курс уголовного процесса [Текст] / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. – Москва : Статут, 2021.
3. Ляхов, Ю. А. Оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве [Текст] / Ю. А. Ляхов, Е. В. Сайфулина // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 41–44.
4. Овчинников, А. И. Конфессиональный компонент этнокультурной экспертизы в правотворчестве [Текст] / А. И. Овчинников, Т. К. Фарапонтובה // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 87–93.
5. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II [Текст] / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996.

References

1. Burnam, U. The legal system of the United States of America [Text] / U. Burnam. – Moscow : New Justice Publ., 2006 [in Russian].
2. Course of criminal procedure [Text] / edited by Doctor of Law, prof. L. V. Golovko. – Moscow : Statute Publ., 2021 [in Russian].
3. Lyakhov, Yu. A. Rendering qualified legal assistance in criminal proceedings [Text] / Yu. A. Lyakhov, E. V. Sayfulina // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. – 2021. – Vol. 8. – No. 2. – P. 41–44 [in Russian].
4. Ovchinnikov, A. I. Confessional component of ethnocultural expertise in lawmaking [Text] / A. I. Ovchinnikov, T. K. Farapontובה // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. – 2022. – Vol. 9. – No. 2. – P. 87–93 [in Russian].
5. Foinitsky, I. Ya. Course of criminal proceedings. Vol. II [Text] / I. Ya. Foinitsky. – St. Petersburg : Alfa Publ., 1996 [in Russian].

Поступила в редакцию 20.10.2022

Received October 20, 2022

УДК 342

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-20

Киселева Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: avkiseleva@sfedu.ru

Kiseleva, Alla V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: avkiseleva@sfedu.ru

Черкасов Юрий Юрьевич,
старший преподаватель кафедры
финансового права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: Cherka@sfedu.ru

Cherkasov, Yuriy Yu.,
Senior Lecturer at the Department
of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: Cherka@sfedu.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКОВ И УГРОЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ *

SOME ISSUES OF DETERMINING THE RISKS AND THREATS TO THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF TOURISM ACTIVITIES *

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена взаимосвязь таких категорий, имеющих публично-правовое значение, как суверенитет, публичная собственность и устойчивое развитие. Авторы позитивно оценивают политический курс Российской Федерации, направленный на повышение значения и роли внутренних источников инвестиций для туристической сферы. В статье продемонстрирована важность систематизации угроз и рисков инвестиционной деятельности в сферу внутреннего туризма в РФ и необходимость выработки национальных стандартов. Авторами предпринята попытка комплексного теоретико-правового анализа угроз и рисков инвестиционной деятельности. Учет законодателем и правоприменителями сформулированной позиции, по мнению авторов, позволит добиться более эффективного правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: риск; инвестиция; туристическая деятельность; устойчивое развитие; публичная собственность; суверенитет.

ABSTRACT. The article considers the interrelation of such categories of public-legal significance as sovereignty, public property, and sustainable development. The authors positively assess the political course of the Russian Federation aimed at increasing the importance and role of domestic sources of investment for the tourism sector. The article demonstrates the importance of systematization of threats and risks to investment activity in the sphere of domestic tourism in the Russian Federation and the need to develop the national standards. The authors have attempted a comprehensive theoretical and legal analysis of threats and risks to investment activity. Taking into account the formulated position by the legislator and law enforcement officers, according to the authors, will make it possible to achieve much more effective legal regulation of the public relations in this area.

KEYWORDS: risk; investment; tourism activity; sustainable development; public property; sovereignty.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Киселева, А. В. Отдельные вопросы определения рисков и угроз инвестиционной привлекательности туристической деятельности [Текст] / А. В. Киселева, Ю. Ю. Черкасов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 149–153. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-20.

* Публикация подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

О тношение к понятию «суверенитет» на протяжении всей истории его существования кардинально менялось множество раз и со стороны ученых, и со стороны политиков. Не так давно (в ретроспективе 10–15 лет) на пике глобализации множество серьезных ученых и весомых политиков заявляли о нивелировании роли суверенитета в мире. Вместе с тем современные события показывают, что теоретическое значение и практическая роль суверенитета никогда не утрачивались и не могут быть утрачены. В самом центральном, сущностном своем значении суверенитет означает право суверена на государство. В современных демократических государствах – это право народа на государство. Суверенитет сохраняется при передаче международным организациям, объединениям или другим государствам любых функций, поскольку, сохраняя право на государство, суверен всегда может их вернуть, что, например, произошло при выходе Великобритании из ЕС.

В РФ определенная доля регламентирования финансово-инвестиционной деятельности зависима от так называемых западных стандартов. Не вдаваясь в описание характера воздействия подобных стандартов на экономику, состояние инвестиционной деятельности, социоприродную безопасность в РФ, отметим, что на данный момент существует уникальная возможность выстроить собственные стандарты внутри страны и предложить их миру. В первую очередь это касается финансового обеспечения устойчивого развития.

Многочисленные, правда разрозненные, нормативные документы (Стратегии национальной безопасности [2], экономической безопасности [4], экологической безопасности

FOR CITATION:

*Kiseleva, A. V. Some Issues of Determining the Risks and Threats to the Investment Attractiveness of Tourism Activities [Text] / A. V. Kiseleva, Yu. Yu. Cherkasov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 149–153 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-20.*

* The publication is within a grant of the Strategic Academic Leadership Programme ('Priority-2030') of the MGIMO University of the MFA of Russia.

[3]) свидетельствуют о том, что мы являемся свидетелями формирования новой отрасли законодательства – права устойчивого развития, которое понимается нами как нормативное закрепление обязанности нынешнего поколения обеспечить витальные потребности будущих при соблюдении социальной защищенности человека.

Устойчивое развитие можно рассматривать и как принцип, при реализации которого достигается баланс интересов личности и общества, нынешнего поколения и будущих. Вместе с тем для формирования отрасли права недостаточно глубокого слоя общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации или значительного числа нормативных актов. Одним из краеугольных факторов образования нового правового феномена являются новые базисные, экономические отношения, ибо роль права состоит в обеспечении экономических интересов властвующего субъекта, что всегда связано с определением форм собственности и их защиты.

На наш взгляд, в РФ давно назрел вопрос о проработке публичной формы собственности. По своей правовой природе она отличается от государственной тем, что общество становится самостоятельным субъектом права по отношению к природным ресурсам, части финансовых фондов (например, Пенсионного). Критерием отнесения тех либо иных институтов и объектов материального мира является наличие публичного интереса в их использовании, сохранности и т. д. «...Понятие “публичность” применительно к конституционной форме собственности, прежде всего, указывает на два решающих аспекта: а) принадлежность вещей публично-властным субъектам и б) целевое на-

значение собственности, направленное на достижение общественного (и/или публичного) интереса. Согласно этим характеристикам, публичная собственность ближе всего к природе государственной и муниципальной форм собственности. Исходя из этого, публичную форму собственности можно считать собирательным понятием, характеризующим общие признаки указанных конституционных форм собственности» [1]. Смысл внедрения публичной формы собственности заключается в последующем создании механизма общественного контроля над природно-ресурсным комплексом и финансовыми фондами, обеспечивающими экономические, социальные, духовные и культурные функции.

Безусловно, что помимо базисной основы для формирования новой отрасли права – права устойчивого развития, помимо приведения мультиформной экономики РФ в равновесное состояние (за счет уточнения категории государственной собственности, выделения из нее объектов публичного интереса), формализация публичной собственности как одной из экономических основ государства позволила бы решить множество практических задач, связанных и с устойчивым развитием, и с экономическим ростом страны, в первую очередь связанным с инвестиционной деятельностью.

Современное состояние рынка инвестиций в России переживает очередной кризис, связанный с переформатизацией векторов инвестиционной деятельности, во-первых, с внешних источников на внутренние, а во-вторых, повышением инвестиционной привлекательности новых объектов вложений и падением интереса инвесторов к тем, которые еще вчера казались исключительно надежными и доходными. Одним из новых наиболее ярких инвестиционно привлекательных секторов российской экономики стал сегодня внутренний туризм. Потенциальная инвестиционная привлекательность связана с нашей отечественной любовью к путешествиям, открытию нового знания и впечатлений, и, с другой стороны, ограниченными возможностями путешествий вне России. Осознавая это, государство активно поддерживает развитие внутреннего туризма, что также снимает часть негативных инвестиционных ожиданий у потенциальных инвесторов.

Как отметил Президент РФ В. В. Путин, выступая на пленарном заседании с программной речью на Петербургском международном экономическом форуме в 2022 году: «Не наступайте, пожалуйста, на старые грабли. Наша страна обладает гигантским потенциалом, и задач, требующих приложения сил, непочатый край. Инвестируйте здесь, вкладывайте в создание новых предприятий и рабочих мест, в развитие туристической инфраструктуры, поддерживайте школы, университеты, здравоохранение, социальную сферу, культуру и спорт. Я знаю, что многие так и делают» [5]. Об этом же свидетельствует и недавнее реформирование администрирования со стороны государства туристической деятельности.

Ликвидация Ростуризма и передача его полномочий Минэкономразвитию связаны с тем, что туристическая отрасль является комплексной, объединяя более 50 сфер хозяйствования, и современные угрозы и риски для инвестиционной привлекательности туристической индустрии и для развития самой индустрии нуждаются в комплексном всеобъемлющем регулировании. Очевидно, что государство делает ставку на туристическую отрасль и для развития инфраструктуры, и для реализации социокультурных потребностей граждан, и для создания новых ниш инвестиционной привлекательности. Поэтому оно заинтересовано в выявлении и минимизации угроз и рисков инвестиционной привлекательности туристической деятельности и собственно развития туризма. На наш взгляд, существенный вклад в этот многогранный и трудоемкий процесс вносит работа над определением угроз и рисков инвестиционной привлекательности в рамках программы «Туристский атлас России» в рамках консорциума МГИМО – ЮФУ.

Туристическая деятельность, туристическая активность и тесно связанная с ними инвестиционная деятельность для развития туризма сопряжены с высокими и разнообразными рисками. Риск в туристической деятельности связан с угрозами в отношении субъектов туристской активности. Инвестиционный риск в туристскую деятельность мы понимаем как случайное вероятностное событие, приводящее к обесцениванию инвестиционных вложений, отклонению от ожидаемой величины доходности в результате воздействия антропогенных либо

природных факторов. Однако необходимо учитывать, что особенностью инвестиционного риска является возможность такого положительного развития событий, когда результат может превысить прогнозное значение. Несмотря на тесную взаимосвязь между рисками туристической деятельности и инвестиционной деятельности в сфере туризма, тем не менее это разные категории, иногда связанные как причина и следствие, вытекающие друг из друга, а иногда в значительной степени обособленные.

Риски в сфере туризма обладают комплексным характером, связаны с негативными последствиями не только для институтов туристической деятельности, но и для хозяйствующих субъектов в иных сферах, объектов культурно-исторического наследия, социоприродной среды. Более того, риски туристической деятельности включают угрозы жизни и здоровья туриста.

Оценка туристского риска должна учитывать его многофакторность. Риски могут быть сопряжены с деятельностью человека, например, поведенческие особенности потребителя; с деятельностью властей, например, принятие нормативного акта, препятствующего туристской деятельности; явлениями природного характера, например, стихийные бедствия; с возникшими неблагоприятными событиями в других сферах хозяйствования, например, транспортной или сфере бытового обслуживания. Инвестиционные риски в рассматриваемой области должны учитывать все вышеперечисленные факторы, но в то же время опираться на собственную, присущую финансовой сфере специфику, а именно воздействие такого элемента, как ожидания инвесторов или налоговые риски в инвестиционной сфере. Хотелось бы отметить, что в целях настоящего исследования рассматриваются только частные инвестиции, не связанные с бюджетными вложениями. Еще одной особенностью туристской деятельности и инвестиционной деятельности в сфере туризма является значительная диспропорция и в плане развития туризма, и в сфере инвестиционного климата в целом между субъектами РФ, что создает неоднородную, зачастую противоречивую карту рисков даже в одном федеральном округе.

Исследователи зачастую рассматривают в качестве важнейших рисков инвестиционной привлекательности следующие факторы:

- рыночные, включающие в первую очередь цену товара и объем продаж;
- колебания стоимости сырья и материалов;
- показатели сводной сметной стоимости проекта;
- значение курса валют и ее волатильность;
- прочие непрогнозируемые факторы (природные, экономические, политические, технологические).

Каждая коммерческая организация должна предполагать возникновение инвестиционных рисков и обеспечивать меры их снижения или недопущения, то есть организация должна управлять рисками. Управление рисками (риск-менеджмент) предполагает целый комплекс мероприятий, включающий в том числе:

- анализ объектов риска (получение значимой информации о свойствах объекта, включая объективные показатели реализовавшихся рисков за предшествующие периоды);
- выявление и оценку риска (качественное описание, определение рисков, а также установление их количественных характеристик);
- выбор методов воздействия на риск (предполагает выявление наиболее эффективных способов минимизации негативных последствий реализовавшегося риска, при этом допускается комбинация нескольких методов);
- контроль и корректировку результатов реализации выбранной стратегии с учетом полученных результатов и появлением новой информации.

При этом в целях оптимизации контроля необходимо понимать, по каким признакам риски можно систематизировать и какие есть варианты классификаций, в связи с отсутствием унифицированной системы рисков инвестиционной деятельности.

Инвестиционная деятельность без рисков невозможна. Считаем необходимым привести классификацию, которая включает в себя в первую очередь следующие группы: риск снижения доходности, риск финансового ущерба, риск упущенной выгоды, процентные риски, кредитные риски, биржевые риски, риски банкротства и селективные риски.

Важным является способ установления величины риска. При этом можно выделить две укрупненные группы методов оценки: объективные, опирающиеся на обработку первичных данных, и субъективные, которые используют

в первую очередь экспертную оценку специалистов, собственное мнение и тому подобное. В случае применения любого из этих методов или их совокупности показателем величины измеряемого риска станет либо среднее ожидаемое значение, либо переменное значение возможного результата.

Давно известными являются прямые зависимости между доходностью и показателем риска инвестиционной деятельности, а также колеблемостью получаемых от проекта доходов и его риском.

Совокупность системно значимых рисков инвестиционной деятельности, в том числе и в сфере туризма, носит ярко выраженный национальный характер, что обуславливает необходимость ее суверенизации. Обособление новой отрасли права «Право устойчивого развития» в системе российского права нуждается в совершенствовании правового регулирования этой сферы общественных отношений.

Литература

1. Мазаев, В. Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики [Текст] / В. Д. Мазаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 19–33.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (дата обращения: 27.10.2022).
3. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 [Электронный ресурс] //

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102430636> (дата обращения: 27.10.2022).

4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102432051> (дата обращения: 27.10.2022).

5. Путин обратился к бизнесу с призывом «связывать будущее детей с Родиной» [Электронный ресурс] // РБК. – 17.06.2022. – <https://www.rbc.ru/business/17/06/2022/62ac83369a7947c34da62329> (дата обращения: 27.10.2022).

References

1. Mazaev, V. D. Public form of ownership as an instrument of constitutional and legal regulation of the economy [Text] / V. D. Mazaev // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2017. – No. 3. – P. 19–33 [in Russian].
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 [Electronic resource] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (date of application: 27.10.2022) [in Russian].
3. On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025 : Decree of the President of the Russian Federation No. 176 dated April 19, 2017 [Electronic resource] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102430636> (date of application: 27.10.2022) [in Russian].
4. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030 : Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017 [Electronic resource] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102432051> (date of application: 27.10.2022) [in Russian].
5. Putin appealed to business to “link the future of children with the Motherland” [Electronic resource] // RBC. – 17.06.2022. – <https://www.rbc.ru/business/17/06/2022/62ac83369a7947c34da62329> (date of application: 27.10.2022) [in Russian].

Поступила в редакцию 04.11.2022

Received November 04, 2022

УДК 34.01

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-21

Диденко Марина Сергеевна,
ассистент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
криминологии РГЭУ (РИНХ),
344000, г. Ростов-на-Дону,
ул. Максима Горького, д. 166,
e-mail: mn2303@mail.ru

Didenko, Marina S.,
Assistant at the Department
of Criminal and Penitentiary Law,
and Criminology, Rostov State University
of Economics (RINKh), 166 M. Gorky Str.,
Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation,
email: mn2303@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «ИСТОЧНИК ПРАВА» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

EVOLUTION OF THE BASIC SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CONCEPT OF 'THE SOURCE OF LAW' IN THE RUSSIAN LAW

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению основных научных подходов к понятию «источник права». Подходы отечественных правоведов подразделены автором на три группы, в качестве критерия выступило соотношение понятия «источник права» и «форма права». В работе осуществлен научно-критический анализ данных подходов. В результате исследования сделаны выводы о необходимости сохранения термина «источник права», разграничения его с другими терминами, определения его составляющих, имеющих собственно юридическое значение. Автор полагает, что система источников права в современном государстве для обеспечения в нем нормативного порядка должна включать области немонополизированного, но контролируемого государством и обществом правообразования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: источник права; форма права; позитивизм; этатизм; советское право; юридическая наука; закон.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Диденко, М. С. Эволюция основных научных подходов к понятию «источник права» в отечественном правоведении [Текст] / М. С. Диденко // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 154–160. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-21.

ABSTRACT. The article focuses on the identification of the main scientific approaches to the concept of 'the source of law'. The author subdivides the approaches of domestic jurists into three groups, choosing as a criterion the ratio of the concept of 'the source of law' and 'the form of law'. The study contains an implemented scientific-critical analysis of these approaches and results in making conclusions on the need to preserve the term of 'the source of law', distinguish it from other terms, and determine its components that have a proper legal meaning. The author believes that the system of sources of law in a modern state, to ensure the normative order in it, should include the areas of non-monopolized, but controlled by the state and society, law formation.

KEYWORDS: source of law; form of law; positivism; etatism; Soviet law; legal science; law.

FOR CITATION:

*Didenko, M. S. Evolution of the Basic Scientific Approaches to the Concept of 'the Source of Law' in the Russian Law [Text] / M. S. Didenko. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 154–160 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-21.*

В отечественном правоведении понятие «источник права» вызвало продолжительную научную дискуссию и разнообразие научных подходов. Данные различия прежде всего связаны с отличиями трактовки права представителями научных юридических школ. С конца XIX в. позитивистская школа права занимает в российской юридической науке господствующее положение, в том числе и по вопросу об определении источника права. Позиции ученых можно упорядочить по определенным критериям. Прежде всего споры связаны с понятием «источник права» в аспекте его соотношения с понятием «форма права». По этому вопросу позиции исследователей можно подразделить на три группы.

В советской юридической науке была наиболее распространена позиция, которую можно назвать этатистской (узконормативной), так как она основана на наиболее консервативных положениях позитивистской концепции правопонимания. Сторонники этого подхода исходили из того, что формальная определенность и нормативность является основным признаком права как властного регулятора общественных отношений, обеспечиваемого принудительной силой государства. Поэтому источник они трактуют как форму внешнего выражения содержания юридической нормы.

В частности, М. И. Байтин считал источник и форму права идентичными понятиями, означающими определенные способы выражения воли общества [3, с. 67]. В одном из первых коллективных учебников по теории государства и права источники права трактуются двояко: как причина возникновения норм права, а именно материальные условия жизни; как особая специфическая форма, в которую облакаются нормы права [12, с. 362, 363].

Этатисты не разделяют источник и форму права, считая данные понятия тождественными. Однако на этом общность их позиции заканчивается, поскольку само понятие «источник права» трактуется и в значении материальной или идеологической первоосновы права, и как специфическая форма выражения воли господствующего класса для придания ей значения нормы права, и как своеобразная оболочка содержания юридической нормы [6, с. 9], вид государственной деятельности [1, с. 49, 51], а также процесс оформления права, придаю-

щий ему формальную определенность. Деление источников права на организованные (официальные) и неорганизованные (неофициальные) не признавалось. Как писал С. Ф. Кечекьян, спорным в советской науке остался сам термин «источник права». Понятие источник (форма) права фактически приравнивалось к законодательству в широком смысле слова, поскольку право в их понимании не существует без государства [12, с. 364].

По мнению В. С. Нерсисянца, в современном государстве система источников права воспроизводит вертикальную структуру государственного управления. Юридическую силу источника права он определял в соответствии с местом органа его издавшего в механизме государства. Ученый считал, что только в традиционных правовых системах высшей юридической силой могут обладать источники права негосударственного происхождения [9, с. 267]. В современных правовых системах юридическими механизмами государства обеспечивается «четкая соподчиненность источников права» и единством выраженной в законе верховной государственной воли. Деформации системы государственного управления нарушают единство источников права и режим законности [9, с. 268].

Различия в формах (источниках) права В. С. Нерсисянец связывал с факторами на них влияющими и способами их формирования. Так, обычай, по его мнению, происходит снизу из «реальных правоотношений». Все остальные источники права связаны с волеизъявлением государства, их появление регламентировано формально-юридическими процедурами и осуществляется сверху соответствующими органами государственной власти. В традиционных правовых системах вертикальный механизм ученый связывал с надгосударственными силами, как правило, божественного происхождения. Общей тенденцией эволюции источников права он считал вытеснение источников негосударственного происхождения позитивным правом [9, с. 269].

Недостатки данного подхода связаны с проблемами узконормативного подхода к праву, которые довольно подробно раскрыты в научной литературе. В этой связи выделим лишь то, что касается источников права. Во-первых, преувеличение значения государства как един-

ственной созидательной силы, создающей источники права и придающей им обязательную силу. Это односторонний подход к источникам права, исключающий приобретение источником формы права без участия государства, то есть происходит абсолютизация официальных источников права в ущерб прочим.

Как писал Н. Л. Дювернуа, только с призвания князей «единство духовное, единство языка и нравов в восточном славянском мире ищет себе внешнего выражения и только отсюда может идти история русского права». Такой подход ограничивает теорию источников права учением об отдельных видах положительного права, на что справедливо указывали Н. Н. Алексеев и Л. И. Петражицкий [2, с. 152].

Во-вторых, ограниченное восприятие источников права только как внешней оболочки юридической нормы, выражающей волю господствующего класса, что устанавливает верховенство государства над правом и полностью исключает обязанность государства закрепить и гарантировать реализацию принципа верховенства права.

В-третьих, практичность данного научного подхода достигается за счет упрощенного восприятия источников права, отказа от признания высокого социального значения договоров и иных соглашений лиц и их организаций, правовых обычаев, судебной практики, правовой доктрины. Все это приводит к обратному результату, а именно умозрительности нормативизма и его несоответствию реалиям юридической практики и ограничению теории источников права только положительным правом, то есть правом в объективном смысле.

Согласимся с объяснением Н. Н. Алексеевым методологических причин вышеназванных недостатков господствующего научного подхода к источникам права. Он полагал, что данный подход «построен на изучении случайных исторических явлений, а не на разумении истинно необходимых отношений и связей» и устанавливает «режим монополии положительного права» [2, с. 153]. Ученый справедливо полагал, что «нормоустанавливающими» следует признавать и акты государственной воли, и акты, вытекающие из воли отдельных лиц [2, с. 154].

Другой научный подход к соотношению «источника» и «формы» права представлен в

отечественной науке отдельными представителями современных позитивистов, полагающих, что в связи с разнообразием понятия «источник права» оно в определенных случаях может не совпадать с формой права, а значит, данные понятия нельзя рассматривать как равнозначные.

Одним из первых в отечественной юридической науке это разграничение попытался осуществить Г. Ф. Шершеневич. Он определял источник права как «формы выражения права», имеющие значение «обязательных средств ознакомления с действующим правом», прежде всего такие как закон и обычай [17, с. 95]. При этом ученый отмечал, что данное определение не соответствует принятому в науке пониманию источника как силы, творящей право, и полагал, что предлагаемое им значение скорее подходит к понятию форма права [17, с. 96].

Три основных значения термина «источник права» выделил Ф. В. Тарановский. Во-первых, как источник познания права. Во-вторых, как материальные факторы (собственно все факторы общественного развития), влияющие на процесс правообразования. В-третьих, внешние факторы, с которыми связывается «установление объективно обязательных юридических норм», то есть источники в формальном смысле [11, с. 168].

Многообразие смыслов делает этот термин, по мнению Ф. В. Тарановского, неудачным. Поскольку только в третьем значении источник права понимается в специально-юридическом формальном смысле и это надо всякий раз оговаривать. Поэтому он считал целесообразным поддержать предложенный Л. И. Петражицким термин «нормативный факт», который отражает процесс «позитивации права», то есть «превращения известного представления, мнения, суждения о правах и обязанностях в общеобязательную норму поведения».

Кроме того, Ф. В. Тарановский указывал на необходимость разграничения «нормативного» и «юридического» факта, в этом смысле критически переосмыслив теорию нормативных фактов Л. И. Петражицкого. Он отмечал, что первый раскрывает механизм установления юридической нормы, например издание закона, а второй – обстоятельства, с которыми юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение юридического от-

ношения, к примеру юридическая сделка [11, с. 169].

Таким образом, Ф. В. Тарановский считал необходимым отказаться от термина «источник права» в силу сложившейся в науке множественности его значений и перейти в специально-юридических исследованиях к понятию «нормативный факт», предложенному Л. И. Петражицким. Он выделил четыре вида источников права (нормативных фактов) в зависимости от внешнего авторитета («правотворящего авторитета») его устанавливающего: установление единоличного авторитета (физического или юридического лица); установление (соглашение) двух или нескольких физических или юридических лиц; установление коллективного (массового) авторитета; установление государственных органов, в том числе судебная практика [11, с. 171].

Исходя из этого он выделил четыре вида правотворящего авторитета (Бог, государство, частные лица, обладающие нравственным достоинством или профессиональными познаниями, например пророки или авторитетные ученые-правоведы в эпоху римского права; группа лиц, осуществляющая «однообразное массовое поведение, сопровождаемое сознанием его общественной необходимости», государственные органы и учреждения).

В ряду данных авторитетов Ф. В. Тарановский выделял государство. Он справедливо, на наш взгляд, отмечал, что только государственная власть в состоянии устранять частный и общественный произвол и водворять общие начала законности [10, с. 178]. Развитие иных источников права возможно только в тех государствах, где прочно установилось начало законности и стремление к объективной оценке отношений укоренилось у населения.

Вместе следует учитывать то, что эпоха формирования государством правовых систем наступила на поздних этапах истории человечества. Как писал Г. В. Мальцев, «анализ силовых потоков современных правовых систем показывает разнообразную и пеструю картину: государство выступает не единственным, часто не главным правообразующим фактором» [7, с. 558]. На волеизъявление иных помимо государства внешних авторитетов как фактор появления источников права указывают и западные правоведы [4, с. 28].

Под источником права Ф. В. Тарановский понимал не процесс объективации юридической нормы или фактор, косвенно повлиявший на него, а факт, приведший к объективации («позитивации») нормы, то есть ставший ее непосредственной причиной [11, с. 172].

Наиболее последовательно в современном правоведении данный подход представлен в специальном исследовании об источниках права М. Н. Марченко, который по своим научным воззрениям может быть отнесен к представителям широкого позитивистского правопонимания. Ученый во многом развивал идеи Ф. В. Тарановского. Он полагал, что право по своей природе формально. При этом в каждой национальной правовой системе имеется система форм, занимающих строго регламентированное место. Он определяет форму права как «способ (средство, прием) внутренней организации и внешнего выражения» содержащихся в нормах права правил поведения и опосредующих их содержание.

При определении источника права М. Н. Марченко считал необходимым исходить из тройной этимологии слова «источник», объединяет которую смысловое значение первоосновы чего-либо. Он выделил два основных подхода к пониманию источника права в отечественном правоведении (философский и специально-юридический).

Исследователь полагал, что специально-юридическое значение рассматриваемого понятия отличается наибольшей разработанностью, распространенностью и определенностью, что придает ему и практическую применимость. При этом авторского определения понятия «источник права» М. Н. Марченко не сформулировал. Он считал, что в каждой национальной правовой системе существует своя система источников права за некоторыми исключениями, связанными с действием определенных источников права в разных правовых семьях [8, с. 57].

По вопросу о соотношении источника и формы права М. Н. Марченко утверждал, что об их совпадении можно говорить только применительно к формально-юридическим источникам, которые он именовал вторичными. При этом в его высказывании наблюдается противоречие, потому что форма, по его мнению, указывает на способ организации права, а ис-

точник – на факторы, определяющие форму и ее содержание [8, с. 61]. Тем самым даже в специально-юридическом смысле данные понятия не совпадают, и объективно использовать их как взаимозаменяемые не представляется возможным.

Как представляется, данный подход не решает проблему смешения понятий «источник» и «форма» права, а лишь подчеркивает недостатки узконормативного понимания. Совпадение в формально-юридическом смысле данных терминов указывает, на наш взгляд, на то, что узконормативное понимание источника противоречит его этимологическому значению. Фактически под источником представители данного направления понимают форму права. Аналогичная точка зрения нам встретилась в трудах А. Ф. Шебанова. Он указывал на то, что понятие «источник права» в формальном смысле не соответствует пониманию данного слова в русском языке, и предлагал использовать в этом значении термин «форма права» [16, с. 42, 43].

Третий подход включает позиции исследователей, разграничивающих понятия «источник» и «форма» права. К примеру, Н. Н. Алексеев определял источник права как «все что способно устанавливать права и обязанности». Он соотносит источники права с нормативными фактами, в которых может жить имманентная им ценность [2, с. 165]. Нормоустановительные факты он считал первичными источниками права, служащими для неограниченного образования норм и иных предписаний с соответствующими им толкованиями, то есть всего того, что составляет положительное право и поддерживает положительный правопорядок.

По мнению ученого, право представляет собой нравственный порядок, основанный на природных явлениях. Поэтому каждый правовой институт имеет свою естественную основу. Так, брак основан на половых отличиях. При этом он не отрицает, что государство как высший носитель власти выступает в современном мире первичным источником всякого права [2, с. 160].

В существе государства как единства абсолютного характера имеются идеальные свойства, порождающие правовые связи не только всех наличных членов государства, но и прошлых и будущих поколений граждан. Он под-

черкивает, что признание государственных велений в качестве первичных источников права и низведение всех остальных источников до уровня вторичных или производных в современной теории права связано с монополией государством правотворчества, но не имеет действительно необходимых основ. В сфере свободного правотворчества источники права приобретают черты, не сходные с позитивистской общей теорией права. Такое отличие связано прежде всего с качественным отличием внешнего авторитета, объективирующего сложившиеся правила поведения в юридическую норму.

Представители коммуникативного подхода в отечественном правоведении предлагают иное обоснование отличия источника и формы права. Так, А. В. Поляков под источником права понимает основания прав и обязанностей или «должного, конституирующего право, которым обладает субъект» [10, с. 649]. При этом он разделяет источники права на внетекстуальные (деятельность членов общества, в ходе которой «реализуются разнообразные человеческие потребности» и создаются различные формы объективированных текстов) и текстуальные (типичное и значимое в intersубъективной деятельности, «основанное на ценностных аспектах как материальной, так и духовной культуры, через обыкновения, волевое императивное установление или договор») [10, с. 679].

В свою очередь текстуальные источники права А. В. Поляков подразделил на мифы, правовые обычаи, судебные прецеденты, судебную и административную практику, правовые доктрины, священные книги, автономные и гетеромные правовые акты [10, с. 651].

Правовые тексты, по А. В. Полякову, могут иметь различные формы объективации, в том числе и государственно-признанные. Именно они, как правило, и признаются источниками права согласно узконормативному (этатистскому) подходу к праву.

В позитивистской юриспруденции попытку разграничения источника и формы права предпринял Н. Н. Вопленко, что прямо следует из названия его работы. Он справедливо указал на то, что широкое понимание «источника права» возможно только в образном, метафорическом смысле, а строго научное понимание

должно базироваться на категориях сущности, содержания и формы права. Исходя из этого форму права ученый определял как «систему официально установленных юридических документов, содержащих в себе нормативно выраженную государственную волю». Под источником права он понимал «официально принятые в государстве способы и формы возведения в закон государственной воли, рассчитанной на неоднократное применение» [5, с. 3, 4].

Как следует из определения, Н. Н. Вопленко не удалось полностью преодолеть недостатки узконормативного подхода к пониманию источника права. Так, он полагал, что в специальном юридическом смысле термин «источник» совпадает по смыслу с формой права [5, с. 5]. Кроме того, раскрывая понятие «источник права» как способы внешнего выражения государственной воли Н. Н. Вопленко исключал источники негосударственного происхождения из числа источников национального права, что не соответствует принципу научной объективности и реалиям юридической практики. В его понимании только внешний авторитет государства придает источнику правовой характер.

Рассмотренные научные подходы к соотношению понятий «источник» и «форма» права представляют собой эволюцию научных представлений об источнике права в XX – нач. XXI в. Смещение источников и форм права присуще не только советским, но и многим сторонникам позитивизма в дореволюционной науке [13, с. 114]. Отечественные правоведы выявили недостатки и неприемлемость узконормативного подхода к понятию «источник права» и его разграничению с иными терминами. Однако окончательно вопрос о необходимости разграничения «источника» и «формы» права не решен.

Так, Г. В. Мальцев, как представляется, правильно указывал на то, что регулятивными свойствами норма обязана номоустанавливающему акту, благодаря которому она появляется на свет и выражается в определенной форме в зависимости от ее социальной значимости. В понятие такого акта он включал действия публичных субъектов, обладающих легитимными полномочиями осуществлять регулятивные функции [7, с. 626]. Однако расширение номоустанавливающего акта за счет результата действий внешнего авторитета привело ученого к отождествлению источника и формы права.

Таким образом, достигнутые отечественным правоведением результаты на пути к формированию общепринятой концепции «источника права» позволяют сформулировать следующие выводы:

- этимологическое разнообразие смысла слова «источник» не дает оснований для его широкой трактовки и смешения со сходными терминами, прежде всего форма права или памятник права. Данный вывод вытекает из особенностей юридической терминологии, предполагающей определенность и прояснение смысла термина, который впоследствии может стать законодательной дефиницией. Поэтому смешение понятия «источник права» с такими терминами как «форма права», «памятник права», «истоки права», а также выражениями «предпосылка для образования юридической нормы», стало своеобразным обычаем в юридической науке, который широко критикуют и вместе с тем соблюдают;

- длительное использование в правоведении юридического термина «источник права» и слабое распространение предлагаемых ему аналогов, например «нормативный факт», служит основанием для его сохранения, но научно-критического переосмысления. Для этого его необходимо разграничить от других терминов и определить его составляющие, имеющие собственно юридическое значение;

- тенденция к обновлению, усложнению и сегментации общественных отношений приводит к разнообразию объектов и расширению пространства правового регулирования, что обуславливает социальную потребность как в общих, так и в конкретных правилах поведения для упорядочивания различных по масштабу и формату отношений. Данная тенденция противоречит монополизации творчества государством, аппарат которого не предназначен для детального урегулирования индивидуальных потребностей и создания конкретных юридических норм. Поэтому для разрешения данного противоречия система источников права в современном государстве для обеспечения в нем нормативного порядка должна включать области немонополизированного, но контролируемого государством и обществом правообразования.

Литература

1. Александров, Н. Г. Понятие источника права [Текст] / Н. Г. Александров // Ученые записки ВИЮН. – Москва, 1946. – Вып. VIII. – С. 49–60.
2. Алексеев, Н. Н. Основы философии права [Текст] / Н. Н. Алексеев. – Санкт-Петербург : Юридический институт, 1998. – 216 с.
3. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) [Текст] / М. И. Байтин. – Саратов, 2001. – 416 с.
4. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования [Текст] / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва : Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. – 624 с.
5. Вопленко, Н. Н. Источники и формы права [Текст] : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.
6. Зивс, С. Л. Источники права [Текст] / С. Л. Зивс. – Москва, 1981. – 239 с.
7. Мальцев, Г. В. Социальные основания права [Текст] / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма, 2011. – 800 с.
8. Марченко, М. Н. Источники права [Текст] : учебное пособие / М. Н. Марченко. – Москва : Норма, 2018. – 672 с.
9. Нерсесянц, В. С. Проблемы общей теории права и государства [Текст] : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – Москва : Норма, 2004. – 813 с.
10. Поляков, А. В. Общая теория права [Текст] / А. В. Поляков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 642 с.
11. Тарановский, Ф. В. Учебник энциклопедии права [Текст] / Ф. В. Тарановский. – Типография К. Маттисена, 1917. – 534 с.
12. Теория государства и права [Текст]. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 308 с.
13. Хвостов, В. М. Общая теория права: Элементарный очерк [Текст] / В. М. Хвостов. – Санкт-Петербург, 1914. – 160 с.
14. Шатковская, Т. В. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики [Текст] / Т. В. Шатковская, Т. В. Епифанова, Н. Г. Вовченко // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 142–146.
15. Шатковская, Т. В. Развитие методологии познания источников права [Текст] / Т. В. Шатковская, И. Г. Напалкова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 9–16.
16. Шебанов, А. Ф. Форма советского права [Текст] / А. Ф. Шебанов. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 216 с.
17. Шершеневич, Г. Ф. Избранное. Том 4, включая Общую теорию права [Текст] : Сборник научных трудов / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2016. – 752 с.

References

1. Alexandrov, N. G. The concept of the source of law [Text] / N. G. Alexandrov // Scientific notes of All-Union Institute of Legal Sciences (VIYUN). – Moscow, 1946. – Issue VIII. – P. 49–60 [in Russian].
2. Alekseev, N. N. Fundamentals of the philosophy of law [Text] / N. N. Alekseev. – St. Petersburg : Law Institute, 1998. – 216 p. [in Russian].
3. Baytin, M. I. The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries) [Text] / M. I. Baytin. – Saratov, 2001. – 416 p. [in Russian].
4. Berman, G. J. The Western tradition of law: the epoch of formation [Text] / G. J. Berman ; translated from English – 2nd ed. – Moscow : Publishing House of Moscow State University: Publishing Group INFRA M-NORM, 1998. – 624 p. [in Russian].
5. Voplenko, N. N. Sources and forms of law [Text] : textbook / N. N. Voplenko. – Volgograd : Volga Publishing House, 2004. – 102 p. [in Russian].
6. Zivs, S. L. Sources of law [Text] / S. L. Zivs. – Moscow, 1981. – 239 p. [in Russian].
7. Maltsev, G. V. Social foundations of law [Text] / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma Publ., 2011. – 800 p. [in Russian].
8. Marchenko, M. N. Sources of law [Text] : textbook / M. N. Marchenko. – Moscow : Norma Publ., 2018. – 672 p. [in Russian].
9. Nersesyants, V. S. Problems of the general theory of law and the state [Text] : textbook for universities / V. S. Nersesyants. – Moscow : Norma Publ., 2004. – 813 p. [in Russian].
10. Polyakov, A. V. General theory of law [Text] / A. V. Polyakov. – St. Petersburg : Law Center Press, 2001. – 642 p. [in Russian].
11. Taranovsky, F. V. Textbook of the Encyclopedia of Law [Text] / F. V. Taranovsky. – Printing house of K. Mattisen, 1917. – 534 p. [in Russian].
12. Theory of state and law [Text]. – Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1949. – 308 p. [in Russian].
13. Khvostov, V. M. General theory of law: An elementary essay [Text] / V. M. Khvostov. – St. Petersburg, 1914. – 160 p. [in Russian].
14. Shatkovskaya, T. V. Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy [Text] / T. V. Shatkovskaya, T. V. Epifanova, N. G. Vovchenko // Problems of economics and legal practice. – 2018. – No. 3. – P. 142–146 [in Russian].
15. Shatkovskaya, T. V. Development of methodology of cognition of sources of law [Text] / T. V. Shatkovskaya, I. G. Napalkova // North Caucasian Legal Bulletin. – 2017. – No. 3. – P. 9–16 [in Russian].
16. Shebanov, A. F. The Form of Soviet law [Text] / A. F. Shebanov. – Moscow : Legal Literature Publ., 1968. – 216 p. [in Russian].
17. Shershenevich, G. F. Favorites. Volume 4, including the General Theory of Law [Text] : Collection of scientific papers / G. F. Shershenevich. – Moscow : Statute Publ., 2016. – 752 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 28.09.2022

Received September 28, 2022

Напольских Инна Михайловна,
адъюнкт кафедры теории
государства и права,
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12,
email: inna.napolskix@mail.ru

Napolskikh, Inna M.
Adjunct, Department of Theory of State and Law,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot',
12 Akademika Volgina Str., Moscow,
117997, Russian Federation,
email: inna.napolskix@mail.ru

ДОВЕРИЕ КАК ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ

TRUST AS A LEGAL VALUE

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен доверия в качестве правовой ценности. Обозначается, что социальная природа моральных и правовых ценностей обуславливает их взаимосвязь. При этом ряд из них могут иметь как моральную, так и правовую природу. Одной из таких ценностей выступает доверие, которое является важным компонентом человеческой культуры. В то же время обращается внимание на то, что ценностная характеристика обозначенного феномена имеет многогранный характер. Его определение, в числе прочего, осложняется универсальностью исследуемой категории. Автор подчеркивает, что доверие в праве отличается от его понимания в морали. Обосновывается положение о том, что доверие как правовую ценность отличает наличие гарантий реализации ожидаемых моделей поведения. Отмечается, что доверие содержит в себе как внутреннюю, так и инструментальную ценность. По мнению автора, с этим связано его изучение представителями различных сфер общественной деятельности. Для права ценность доверия имеет трехступенчатую структуру, которая проявляется на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровне. Помимо этого, доверие может выполнять измерительную функцию, отражающую качественное отношение граждан к праву.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доверие; право; доверие в праве; аксиология права; доверие как правовая ценность.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Напольских, И. М. Доверие как правовая ценность [Текст] / И. М. Напольских // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 161–164. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-22.

ABSTRACT. The article considers the phenomenon of trust as a legal value. It is indicated that the social nature of moral and legal values determines their relationship. At the same time, a number of them may have both a moral and legal nature. One of these values is trust, which is an important component of human culture. At the same time, attention is drawn to the fact that the value characteristic of the designated phenomenon has a multifaceted character. Its definition, among other things, is complicated by the universality of the category under study. The author emphasizes that trust in law differs from its understanding in morality. The article substantiates the position that trust as a legal value is distinguished by the existence of guarantees for the implementation of expected behaviors. It is noted that trust contains both internal and instrumental value. According to the author, this is connected with his study by representatives of various spheres of public activity. For law, the value of trust has a three-stage structure, which manifests itself at the individual, group and general social level. In addition, trust can perform a measuring function that reflects the qualitative attitude of citizens to the law.

KEYWORDS: trust; law; trust in law; axiology of law; trust as a legal value.

FOR CITATION:

*Napolskikh, I. M. Trust as a Legal Value [Text] / I. M. Napolskikh. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 161–164 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-22.*

На сегодняшний день в правовых исследованиях распространен аксиологический подход. Это во многом связано с тем обстоятельством, что право является важным компонентом человеческой культуры. Аксиологический подход к праву предполагает изучение природы ценностей, определение их места в сфере правовой действительности, установление связи между различными ценностями, а также с социальными и культурными факторами и структурой личности.

В этой связи вполне обоснованным представляется утверждение о том, что с течением времени актуальность рассмотрения права в контексте его ценностного измерения будет неуклонно возрастать. Это является условием на пути гуманизации законодательства, привнесения в право общественных идеалов [7].

Аксиологический подход позволяет осмыслить право с позиции духовно-интеллектуальной составляющей. Являясь специфической формой философско-правового анализа, аксиология имеет своим назначением определение сущностной характеристики правовых категорий, их ценностного значения, смысла и предназначения для общества в целом и отдельной личности в частности. Изучение ценностной составляющей правовых феноменов дает возможность выявить особенности права в социальном и культурном измерении, наиболее полно понять его специфическую природу.

Правовыми ценностями признаются феномены, имеющие значение для человека и общества в праве. Их стоит рассматривать во взаимосвязи с иными социальными ценностями (к примеру, моральными). Это связано с тем, что мораль и право имеют не государственную, а общественную природу, они являют собой социальную ценность. Моральный аспект присутствует во всех сферах отношений между людьми – от индивидуальных до межцивилизационных, регулирует отношения как на межличностном, так и на общечеловеческом уровне [6].

Мораль и право, по справедливому замечанию В. П. Малахова, «как формы действительности нельзя разделить. Они предстают как двуединство задач человеческой жизни в обществе, качественно различаются на уровне целей, но не ценностей. Между ними – функциональные различия, а не структурные и не сущностные» [2, с. 348].

Социальная природа моральных и правовых ценностей обуславливает их взаимосвязь. При этом ряд ценностей могут иметь как моральную, так и правовую природу. Одной из таких ценностей является доверие, которое является важным компонентом человеческой культуры. Доверие – ценность, благодаря которой человечество на определенном историческом этапе сделало большой шаг в своем развитии [4, с. 80]. На сегодняшний день именно доверие лежит в основе эффективного сотрудничества людей и, согласно убеждению ряда ученых, альтернативы ему не сложилось.

Ценностная характеристика обозначенного феномена имеет многогранный характер, ее определение, в числе прочего, осложняется универсальностью исследуемой категории. В то же время перед нами стоит задача проанализировать доверие как ценность правовую, выраженную в социальной реальности средствами и логикой правосознания. Известны различные классификации правовых ценностей. Так, к примеру, выделяют общечеловеческие, групповые и индивидуальные ценности. Доверие можно рассмотреть в каждом из обозначенных аспектов.

Так, в качестве общечеловеческой ценности доверие позволяет сформировать в обществе определенное фоновое состояние, устраняющее социальную напряженность. Изучаемый феномен позволяет гармоничнее встраивать в социальную жизнь правовые преобразования и повышать реальность воплощения должного поведения в фактическом. С другой стороны, наличие доверия общества к праву в целом означает признание его в качестве высшей ценности, соответствие нормативных установлений существующим идеалам.

Доверие как групповая ценность имеет значение для взаимодействия в правовом пространстве. В данном аспекте его можно представить как ожидание, что правоотношение будет развиваться в соответствии с определенной моделью. Как правило, это ожидание подкреплено соответствующими правовыми гарантиями, которые создают эффект страховки.

В данном контексте отметим, что с одной стороны, право можно рассматривать как компенсацию недостаточного уровня доверия в обществе. Однако, на наш взгляд, это справедливо, когда мы говорим о доверии как о кате-

гории морали. Для доверия, как для ценности правовой, наличие гарантий является одним из важнейших условий. Наличие доверия в правовых отношениях позволяет эффективно сотрудничать как на групповом, так и на межличностном уровне. Как правило, это касается частноправовых отношений. К примеру, при приобретении недвижимости, заключение договора купли-продажи и оформление прочих необходимых для совершения данной сделки документов дает покупателю возможность убедиться в достоверности предоставляемой продавцом информации и обезопасить сделку от каких-либо неправомерных действий.

Что касается доверия как индивидуальной ценности, то оно неразрывно связано с правосознанием. Это внутреннее отношение конкретного лица к праву, формируемое в результате интенции, выраженное в наличии реальной возможности обеспечения его интересов посредством правового инструментария. При наличии доверия на уровне правосознания образуются установки на соблюдение правовых предписаний не только под воздействием внешних ограничений, но и внутренних, создающих рамки индивидуального поведения. Доверие к праву порождает установку о том, что многочисленные вопросы, возникающие в ходе социального взаимодействия, могут быть разрешены правовыми средствами, при этом интересы лица будут учтены и обеспечены.

В то же время А. Н. Кокотов справедливо отмечает, что размышляя о доверии, недоверии, конечно, не следует их абсолютизировать, превращать в единственную основу правового поведения, из которой «все остальное только и исходит». Доверие, как правило, соединенное с осознанием важности институтов контроля и ответственности, и недоверие, не обязательно явно выраженное, определяют позицию правотворческих органов, адресатов правовых норм наряду с другими мотивами [1].

Кроме этого, доверие можно представить в качестве элемента правовой коммуникации. Это уже обозначалось А. Г. Репьевым, отметившим, что оно является интенцией индивида, которая помимо прочего, основана на ожидании справедливого разрешения той или иной ситуации, учета интересов участников взаимодействия, обеспечении достойного уровня жизни в ходе реализации существующих норм

права, а также в результате проведения государственных реформ. Он обозначил, что чувственно-эмоциональная составляющая субъектов права оказывает воздействие на ход и результат правовой коммуникации [5]. Нужно учитывать, что доверие (либо недоверие) является неотъемлемым компонентом чувственно-эмоциональной составляющей. Причем когда речь идет о недоверии, мы имеем в виду не простое отсутствие доверия. В данном случае следует говорить о феномене противоположного свойства, возникновение которого связано с наличием определенного негативного опыта.

В аксиологии права принято различать инструментальную и собственную ценность права [3]. В аналогичном контексте может быть представлен феномен доверия. Его собственная ценность в данном случае выражается в гармонизации правовых отношений, формировании у граждан положительного отношения к праву как к общечеловеческому благу. Доверие выполняет ориентирующую и воспитательную функции.

В свою очередь, как ценность инструментальная, доверие является элементом, способствующим реализации иных правовых, государственных, социальных задач, позволяет быстрее достигать социально значимых целей. Если мы обозначаем, что доверие в праве отличается наличием гарантий реализации ожидаемых моделей, то можно говорить о том, что доверие является элементом, способствующим повышению эффективности правовых взаимодействий. К примеру, кредит является экономическим проявлением доверия, в своей реализации он обеспечен правовыми гарантиями, отраженными в договоре. На определенном этапе развития общественных отношений именно кредит позволил им выйти на принципиально иной уровень и стать на путь капитализма. В обозначенном примере доверие, подкрепленное правовыми гарантиями, является инструментом, позволившим организовать более эффективное использование материальных средств. В качестве другого примера можно представить модель, когда закрепление правовых гарантий является основанием формирования доверия.

Стоит признать, что доверие действительно содержит в себе как внутреннюю, так и инструментальную ценность. На наш взгляд, с

этим связано возрастание внимания к нему со стороны представителей различных сегментов социума и разных сфер общественной деятельности. Для права его ценность имеет трехступенчатую структуру, которая проявляется на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровне. Помимо этого, доверие может выполнять измерительную функцию, отражающую качественное отношение граждан к праву.

Литература

1. Кокотов, А. Н. Доверие. Недоверие. Право [Текст] : монография / А. Н. Кокотов. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2020. – 192 с.
2. Малахов, В. П. Философия права. Идеи и предположения [Текст] : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 391 с.
3. Михайлов, С. В. Систематизация правовых ценностей [Текст] / С. В. Михайлов // Философия права. – 2013. – № 5(60). – С. 48–55.
4. Напольских, И. М. Система методологий в исследовании феномена доверия в праве [Текст] / И. М. Напольских // История государства и права. – 2022. – № 11. – С. 80–84.
5. Репьев, А. Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации [Текст] / А. Г. Репьев // Вестник СГЮА. – 2022. – № 2(145). – С. 15–25.
6. Сигалов, К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей [Текст] / К. Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 12–15.
7. Сигалов, К. Е. Бюджетное законодательство: развитие системы уголовной ответственности [Текст] / К. Е. Сигалов, И. Н. Мукиенко, Ю. М. Саранчук // Финансовое право. – 2014. – № 11. – С. 21–25.

8. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного российского права [Текст] / О. И. Цыбулевская ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов, 2004. – С. 10–31.

References

1. Kokotov, A. N. Trust. Distrust. The right [Text] : monograph / A. N. Kokotov. – Moscow : Norma: INFRA-M Publ., 2020. – 192 p. [in Russian].
2. Malakhov, V. P. Philosophy of Law. Ideas and assumptions [Text] : a textbook for university students studying in the specialties “Jurisprudence” and “Philosophy”. – Moscow : UNITY-DANA Publ., 2017. – 391 p. [in Russian].
3. Mikhailov, S. V. Systematization of legal values [Text] / S. V. Mikhailov // Philosophy of Law. – 2013. – No. 5(60). – P. 48–55 [in Russian].
4. Napolskikh, I. M. System of methodologies in the study of the phenomenon of trust in law [Text] / I. M. Napolskikh // History of the state and law. – 2022. – No. 11. – P. 80–84 [in Russian].
5. Repyev, A. G. Trust as the basis of the culture of legal communication [Text] / A. G. Repyev // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2022. – No. 2(145). – P. 15–25 [in Russian].
6. Sigalov, K. E. Interrelation of moral and legal values [Text] / K. E. Sigalov // Civil society in Russia and abroad. – 2013. – No. 2. – P. 12–15 [in Russian].
7. Sigalov, K. E. Budget legislation: the development of the system of criminal responsibility [Text] / K. E. Sigalov, I. N. Mukienko, Yu. M. Saranchuk // Financial law. – 2014. – No. 11. – P. 21–25 [in Russian].
8. Tsybulevskaya, O. I. Moral foundations of modern Russian law [Text] / O. I. Tsybulevskaya ; edited by N. I. Matuzov. – Saratov, 2004. – P. 10–31 [in Russian].

Поступила в редакцию 01.12.2022

Received December 01, 2022

УДК 347

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-23

Тахмазов Эмиль Шамилович,
соискатель кафедры гражданского процесса,
Саратовская государственная
юридическая академия,
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104,
email: tahmazlaw@gmail.com

Takhmazov, Emil Sh.,
PhD-Student at the Department
of Civil Procedure, Saratov State Law Academy,
104 Chernyshevsky Str., Saratov,
410028, Russian Federation,
email: tahmazlaw@gmail.com

СДЕЛОЧНЫЙ ЭФФЕКТ ЗАВЕЩАНИЯ

TRANSACTIONAL EFFECT OF A WILL

АННОТАЦИЯ. В статье описывается сделочный эффект завещания, т.е. юридическое последствие, на которое направлена эта разновидность сделки. Раскрывается содержание сделочного эффекта завещания и указываются две его разновидности (направленности): возникновение у наследника прав и обязанностей после открытия наследства и реализация гражданско-правового интереса наследодателя. Сделочный интерес завещания представляет большое значение для исследования завещания как сделки, как волеизъявления, т.к. позволяет определить его подлинную направленность. По мнению автора, возникновение сделочного эффекта может происходить, вопреки распространенному мнению, и до открытия наследства. Критикуются распространенные в литературе подходы, ограничивающие сделочный эффект завещания исключительно изменением, возникновением и прекращением прав или прав и обязанностей участников гражданского оборота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: завещание; сделка; сделочный эффект; отмена завещания; лишение наследства.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тахмазов, Э. Ш. Сделочный эффект завещания [Текст] / Э. Ш. Тахмазов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 165–170. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-23.

ABSTRACT. The article describes the transactional effect of a will, i.e., the legal consequence to which this type of the transaction is directed. The content of the transactional effect of the will is revealed and two of its varieties (directions) are indicated: the emergence of the rights and obligations of the heir after the opening of the inheritance and the realization of the civil and legal interests of the testator. The transactional interest of a will is of great importance for the study of a will as a transaction, as an expression of the will, because it allows determining its true direction. According to the author, the emergence of a transactional effect can occur, contrary to a popular belief, even before the opening of the inheritance. Approaches common in the literary sources are criticized, as they limit the transactional effect of a will only to the change, the emergence, and the termination of the rights or the rights and obligations of participants within the civil transactions.

KEYWORDS: will; transaction; transactional effect; revocation of a will; disinheritance.

FOR CITATION:

*Takhmazov, E. Sh. Transactional Effect of a Will [Text] / E. Sh. Takhmazov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 165–170 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-23.*

Современное гражданское законодательство, в отличие от советского предшественника, содержит в п. 5 ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации [9] (далее – ГК РФ) определение завещания и под ним понимает одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после открытия наследства. В последнем – создании прав и обязанностей, по мнению законодателя, и заключается эффект сделки.

Приведенное правоположение, очевидно, перекликается с содержанием ст. 153 ГК РФ, согласно которому сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Как следует из п. 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [15], судебный орган в основном дублирует законодательное определение, указывая лишь на иной родовой признак сделки – волеизъявление. По нашему мнению, следует признать приведенное в законодательстве и судебной практике определение сделки ущербным, не обнимающим в полной мере это многомерное правовое явление.

Сделкой по римскому праву признавалось любое проявление частной воли, направленное на достижение дозволенной правопорядком цели [18, с. 112]. Эннекцерус понимал под сделкой «фактический состав, содержащий одно или несколько волеизъявлений, признанный правопорядком как основание для наступления правового результата, на который направлена воля лиц, совершающих волеизъявление» [23, с. 109]. Н. Л. Дювернуа сделкой называл «...такое волеизъявление лица или такое его деяние, коим, в пределах его гражданской дееспособности, достигается изменение правоотношения, на которое волеизъявление направлено» [12, с. 78]. Известный дореволюционный цивилист К. Н. Анненков считал юридической сделкой «...дозволенное законом изъявление воли лица, направленное на возникновение, изменение, перенесение или прекращение правоотношения и имеющее в его основании известный частный интерес» [2, с. 62].

Советский ученый-юрист М. М. Агарков придерживался аналогичного изложенным

мнения и считал сделкой юридический факт или фактический состав, в результате которого устанавливаются, изменяются либо прекращаются гражданские правоотношения [1, с. 228].

Из приведенных точек зрения исследователей проблематики видно, что эффект гражданско-правовой сделки, как минимум, не ограничен возникновением, изменением или прекращением гражданских прав и обязанностей. Можно привести по меньшей мере два примера из отечественного законодательства, подтверждающие этот тезис.

Первым примером могут послужить сделки граждан, предусмотренные п. 3 ст. 22 ГК РФ, совершение которых направлено на уменьшение правоспособности или дееспособности в случаях, предусмотренных законом. Хотя на сегодняшний день правопорядку такие сделки и неизвестны, но они им принципиально допускаются. При этом их направленность не предполагает возникновения, изменения или прекращения конкретных прав и обязанностей таких граждан как сторон сделки.

Второй пример – решение общего собрания общества с ограниченной ответственностью, которым единоличному исполнительному органу было отказано в даче согласия на заключение сделки, в совершение которой имеется его заинтересованность. Руководитель такой корпорации в результате принятия описанного решения не получит дополнительных прав и не будет обременен обязанностью воздержаться от заключения сделки. При этом в порядке, предусмотренном абз. 2 п. 6 ст. 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [16], участники корпорации, члены органов управления могут обратиться с иском о признании такой сделки недействительной, т. е. решение собрания не является юридически безразличным, ведь оно наделяет соответствующую сделку свойством оспорируемости (п. 1 ст. 166 ГК РФ).

Дореволюционный юрист К. Д. Кавелин полагал, что завещаниями могут быть только те сделки, которые «...имеют целью установить права и обязанности, долженствующие установиться после смерти завещателя» [3, с. 8; 14, с. 26; 21, с. 488; 22, с. 73].

Сделочный эффект завещания, вместе с тем, может быть весьма различным в зависимости от вида завещательного распоряжения, состава

имущества и некоторых других обстоятельств. Воля завещателя может влечь за собой возникновение не только прав, но и возлагать одновременно и обязанности, например, в случае совершения наследодателем завещательного отказа (легата), завещательного возложения или при преемстве вместе с завещанным имуществом долгов правопреемственника. В литературе отмечается по крайней мере допустимость с точки зрения отечественного правопорядка возникновение залоговых правоотношений из легата [4, с. 239].

В некоторых примерах дореволюционной [5, с. 74–62] и современной литературы [11, с. 41] считается, что завещанием следует признавать только такое распоряжение, которым определяется наследник. Вместе с тем регулирование наследственных правоотношений не исчерпывается только упомянутыми ранее видами завещательных распоряжений. Последняя воля наследодателя может состоять, например, в отмене и изменении ранее совершенного завещания (ст. 1130 ГК РФ), в лишении наследства одного, нескольких или всех наследников по закону (п. 1 ст. 1119 ГК РФ).

Перечисленные виды завещательных распоряжений не предполагают обязательного назначения наследника и, как следствие, надления его дополнительными правами или возложением на него каких-либо обязанностей, как, впрочем, и на кого-либо другого. Вместе с тем правила, содержащиеся в п. 1 ст. 1119 и п. 1 ст. 1130 ГК РФ, позволяют констатировать принципиальную возможность исчерпания содержания завещания лишь приведенными выше распоряжениями и без назначения наследника.

Законодательство не раскрывает сущность сделочного эффекта таких завещательных распоряжений. На первый взгляд может показаться, что сделочный эффект любых завещательных распоряжений до открытия наследства не возникает. С этим можно согласиться, если под завещанием и под сделкой в целом понимать только те распоряжения, которые влекут возникновение прав и обязанностей, а такой подход, как указывалось ранее, не выдерживает критики.

По мнению Ю. Б. Гонгало, завещательное распоряжение о лишении наследства является одновременно правопрекращающим и право-

изменяющим юридическим фактом в правоотношении: влечет утрату права наследования одного наследника и в зависимости от обстоятельств создает режим выморочного имущества, изменяет порядок наследования и т. п. [8, с. 129].

Как справедливо отмечал В. И. Серебровский, при жизни завещателя наследник не имеет права на то, что составляет наследство [19, с. 152]. Аналогичный вывод вытекает и из современного законодательства, в частности, из п. 5 ст. 1118 ГК РФ, постулирующего возникновение прав и обязанностей только после открытия наследства. В связи с изложенным, как представляется, приведенная ранее точка зрения Ю. Б. Гонгало требует критического отношения.

Лишение наследства представляет собой волеизъявление наследодателя, которое исключает возникновение права наследования в будущем у какого-то конкретного наследника по закону, некоторых наследников или каждого из них. В связи с этим следует признать верной точку зрения А. В. Вошатко, по мнению которого, «...действие завещательного распоряжения о лишении наследства состоит в препятствии призванию указанного в нем лица к наследованию по закону» [6, с. 71], а завещание он квалифицирует как исключительно «правопрепятствующий юридический факт» [6, с. 71].

Как представляется, следует согласиться и с тем, что, по мнению А. В. Вошатко, аналогичным эффектом обладает и распоряжение об отмене завещания, исключающее возникновение права наследования у лица, указанного в совершенном завещании ранее [7].

Вместе с тем отмена завещания или лишение наследства, совершенные в одной и той же ситуации, могут влечь разные последствия для разных лиц (наследников). В связи с этим следует отметить, что правопрепятствованием эффект описанных завещательных распоряжений не исчерпывается. Кроме того, ни возникновением прав и обязанностей, ни правопрепятствованием не описывается сделочный эффект иных завещательных распоряжений, в числе которых подназначение наследника (п. 2 ст. 1122 ГК РФ) и назначение душеприказчика (ст. 1134 ГК РФ).

Считаем, что для описания сделочного эффекта завещания требуется правовая категория более абстрактного уровня, описывающая

влияние на юридическую жизнь наследодателя до открытия наследства. Таковым, как будет продемонстрировано далее, выступает *гражданско-правовой интерес* наследодателя.

Еще Р. Иеринг говорил, что субъективное право есть юридически защищенный интерес [13, с. 83]. Известный советский ученый-цивилист В. П. Грибанов указывал в своем исследовании на то, что удовлетворение интереса управомоченного лица является основной целью субъективного права, выполняющего роль правового средства удовлетворения законных интересов [10, с. 235–236].

Характерные признаки гражданско-правового интереса, как справедливо считает А. В. Рыжик, состоят в следующем:

- 1) носителю интереса нормативно разрешено проявлять частную волю;
- 2) целеполагание лица направлено на удовлетворение потребности для своей пользы, а не для создания другим лицам благополучия;
- 3) реализация интереса осуществляется в рамках дозволений объективного права с соблюдением его императивных запретов и выполнением предписаний;
- 4) интерес, формируемый как воля, может служить средством правовой квалификации волеизъявления и наступающих в связи с ним последствий [17, с. 65].

К признакам гражданско-правового интереса следует, по нашему мнению, добавить его непостоянство в смысле изменчивости с течением времени и возможность его защиты как объекта гражданско-правовой защиты [20, с. 21].

Совершение различного рода завещательных распоряжений направлено на реализацию того или иного интереса: назначение наследником конкретного лица на случай смерти, лишение кого-либо наследства, дозволение посредством отмены ранее совершенного завещания правопреемства наследнику по закону, назначении душеприкащиком конкретного гражданина, возложение обязанности по завещательному отказу, подназначение лица, к которому перейдут права наследования в соответствующих случаях, и т. д.

Как не трудно заметить, интересы, перечисленные выше, отвечают приведенным ранее признакам. Проиллюстрировать это можно на примере лишения одного из наследников по закону наследства и последующей отмене этого

завещательного распоряжения. Наследодатель по каким-либо причинам принимает соответствующее решение в соответствии с законом (нормативная допустимость), как указывалось ранее, наследник вовсе не имеет каких-либо прав в отношении имущества наследодателя, а значит, и считать, что исследуемое распоряжение совершено к неблагоприятию наследника, по закону не приходится. Реализация интереса в рамках дозволений объективного права может выражаться, например, в совершении такого распоряжения в нотариальной форме. Волеизъявление на лишение конкретного лица наследства позволяет его квалифицировать как особый вид сделки (квалификация волеизъявления). В любой момент времени завещание может быть отменено и исключенное из числа наследников по закону лицо будет туда вновь включено. Вдобавок отечественное законодательство запрещает оспаривать волеизъявление наследодателя в суде до открытия наследства, что свидетельствует о его способности быть объектом гражданско-правовой защиты.

Вместе с тем наличие законодательного запрета на оспаривание завещания не свидетельствует о том, что исследуемые гражданско-правовые интересы не реализуются до открытия наследства. В связи с изложенным приходится констатировать возможность возникновения сделочного эффекта завещания и до открытия наследства.

Выводы

1. Сделочный эффект завещания есть удовлетворение гражданско-правового интереса наследодателя.
2. Возникновение гражданских прав и обязанностей возможно только после открытия наследства, а удовлетворение гражданско-правового интереса, за исключением установленных законом пределов, может возникать и до открытия наследства.

Литература

1. Агарков, М. М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права [Текст] / М. М. Агарков. – Москва, 2012. – 428 с.
2. Анненков, К. Начала русского гражданского права. Выпуск первый. [Текст] / К. Анненков. – Санкт-Петербург, 1900. – 250 с.

3. Анненков, К. Система русского гражданского права в 6 т. [Текст] / К. Анненков. – Т. VI: Право наследования. – Санкт-Петербург, 1909. – 556 с.
4. Бевзенко, Р. С. Залог из завещания [Текст] / Р. С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 220–241.
5. Беляев, П. И. Исторические основы и юридическая природа современного русского завещания [Текст] / П. И. Беляев // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 5–6. – С. 73–124, 25–72.
6. Вошатко, А. В. Лишение наследства как завещательное распоряжение [Текст] / А. В. Вошатко // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 69–73.
7. Вошатко, А. В. Распоряжение об отмене завещания [Текст] / А. В. Вошатко // Проблемы гражданского права и процесса. – 2018. – № 8. – С. 69–73.
8. Гонгало, Ю. Б. Юридические факты в наследственном праве России и Франции: сравнительно-правовое исследование [Текст] / Ю. Б. Гонгало. – Москва, 2010. – 310 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (дата обращения: 17.08.2022).
10. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав [Текст] / В. П. Грибанов. – Москва, 2000. – 414 с.
11. Гришаев, С. П. Наследственное право [Текст] / С. П. Гришаев. – Москва, 2011. – 181 с.
12. Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву. В 2 т. [Текст] / под ред. В. А. Томсинова. – Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке. – Москва, 2015. – 320 с.
13. Интерес и право. Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Готтингенск. ун-та. 1) Правоспособность учредителей. 2) Интерес и право. 3) Непреодолимая сила. Приложения: 1. Пассивные действия прав. 2. Цель в праве: пер. с нем. – Ярославль: Тип. Губ. зем. управы, 1880. – XXX, [2]. – 268 с.
14. Кавелин, К. Д. Очерк юридических отношений, возникающих из наследования имущества [Текст] / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург, 1885. – 136 с.
15. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602 (дата обращения: 15.10.2022).
16. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819 (дата обращения: 02.12.2022).
17. Рыжик, А. В. Теория интереса собственника в российском гражданском праве [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 / А. В. Рыжик. – Москва, 2022. – 485 с.
18. Санфилиппо, Чезаре. Курс римского частного права [Текст] / Чезаре Санфилиппо; [пер. с итал. И. И. Маханькова] / под общ. ред. Д. В. Дождева. – Москва, 2007. – 464 с.
19. Серебровский, В. И. Очерки советского наследственного права. [Текст] / В. И. Серебровский. – Москва, 1953. – 240 с.
20. Тотьев, К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве [Текст] / К. Ю. Тотьев // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 19–25.
21. Флейшиц, Е. А. Завещание и легат в советском гражданском праве [Текст] / Е. А. Флейшиц // Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. – Москва, 2015. – 720 с.
22. Хвостов, В. М. Система римского права. Семейное право. Наследственное право Конспект лекций [Текст] / В. М. Хвостов. – Москва, 1909. – 147 с.
23. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Том I, полутом 2: Введение и общая часть [Текст] / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф; перевод с 13-го немецкого издания проф. И. Б. Новицкого, кандидата юридических наук Г. Н. Полянской и В. А. Альтшулера; под редакцией, с предисловием и вводными замечаниями заслуженного деятеля науки проф. Д. М. Генкина и проф. И. Б. Новицкого. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1950. – 483 с.

References

1. Agarkov, M. M. Selected works on civil law. In 2 vols. Vol. 1: The social value of private law and individual institutions of the general part of civil law [Text] / M. M. Agarkov. – Moscow, 2012. – 428 p. [in Russian].
2. Annenkov, K. The Beginning of Russian Civil Law. The first issue [Text] / K. Annenkov. – St. Petersburg, 1900. – 250 p. [in Russian].
3. Annenkov, K. The system of Russian civil law in 6 vols. [Text] / K. Annenkov. – Vol. VI: The right of inheritance. – St. Petersburg, 1909. – 556 p. [in Russian].
4. Bevezhenko, R. S. Pledge from the will [Text] / R. S. Bevezhenko // Bulletin of Civil Law. – 2020. – Vol. 20. – No. 4. – P. 220–241 [in Russian].
5. Belyaev, P. I. Historical foundations and legal nature of the modern Russian testament [Text] / P. I. Belyaev // Journal of the Ministry of Justice. – 1903. – No. 5–6. – P. 73–124, 25–72 [in Russian].
6. Voshatko, A. V. Disinheritance as a testamentary disposition [Text] / A. V. Voshatko // Bulletin of Yaroslavl State University. Humanities Series. – 2015. – No. 4. – P. 69–73 [in Russian].
7. Voshatko, A. V. Decree on the cancellation of the will [Text] / A. V. Voshatko // Problems of the civil frame and process. – 2018. – No. 8. – P. 69–73 [in Russian].
8. Gongalo, Yu. B. Legal facts in the inheritance law of Russia and France: comparative legal research [Text] / Yu. B. Gongalo. – Moscow, 2010. – 310 p. [in Russian].
9. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of 26.11.2001 No. 146-FZ (ed. of 01.07.2021) [Electronic

- resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (date of application: 17.08.2022) [in Russian].
10. *Gribanov, V. P.* Implementation and protection of civil rights [Text] / V. P. Gribanov. – Moscow, 2000. – 414 p. [in Russian].
11. *Grishaev, S. P.* Inheritance law [Text] / S. P. Grishaev. – Moscow, 2011. – 181 p. [in Russian].
12. *Duvernois, N. L.* Readings on civil law. In 2 vols. [Text] / edited by V. A. Tomsinova. – Vol. 2: The Doctrine of things. The doctrine of a legal transaction. – Moscow, 2015. – 320 p. [in Russian].
13. Interest and right. Op. Dr. Rudolf von Iering, Justice of the Privy Councilor and Prof. Gottingen. un-ty. 1) The legal capacity of the founders. 2) Interest and right. 3) An irresistible force. Applications: 1. Passive actions of rights. 2. Purpose in law: trans. from German – Yaroslavl, 1880. – XXX, [2]. – 268 p. [in Russian].
14. *Kavelin, K. D.* An outline of legal relations arising from the inheritance of property [Text] / K. D. Kavelin. – St. Petersburg, 1885. – 136 p. [in Russian].
15. On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated 23.06.2015 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602 (date of application: 15.10.2022) [in Russian].
16. On Limited Liability Companies : Federal Law No. 14-FZ of 08.02.1998 (as amended on 02.07.2021, as amended on 25.02.2022) [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819 (date of application: 02.12.2022) [in Russian].
17. Ryzhik, A. V. Theory of the owner’s interest in Russian civil law [Text] : thesis for the degree of Doctor of Law / A. V. Ryzhik. – Moscow, 2022. – 485 p. [in Russian].
18. *Sanfilippo, Cesare.* The course of Roman Private Law [Text] / Cesare Sanfilippo ; [trans. from the Italian I. I. Makhankova] / under the general editorship of D. V. Dozhdev. – Moscow, 2007. – 464 p.
19. *Serebrovsky, V. I.* Essays on Soviet inheritance law [Text] / V. I. Serebrovsky. – Moscow, 1953. – 240 p. [in Russian].
20. *Totyev, K. Yu.* Public interest in legal doctrine and legislation [Text] / K. Yu. Totyev // State and Law. – 2002. – No. 9. – P. 19–25 [in Russian].
21. *Fleishits, E. A.* Testament and legate in Soviet civil law [Text] / E. A. Fleishits // Fleishits E. A. Selected works on civil law. In 2 vols. Vol. 2. – Moscow, 2015. – 720 p. [in Russian].
22. *Khvostov, V. M.* System of Roman Law. Family law. Inheritance law Lecture notes [Text] / V. M. Khvostov. – Moscow, 1909. – 147 p. [in Russian].
23. *Ennekcerus L.* Course of German civil law. Volume I, half volume 2: Introduction and general part [Text] / L. Ennekcerus, T. Kipp, M. Wolf; translated from the 13th German edition by Prof. I. B. Novitsky, Candidate of Legal Sciences G. N. Polyanskaya and V. A. Altshuler; edited, with a preface and introductory remarks by Honored Scientist Prof. D. M. Genkin and Prof. I. B. Novitsky. – Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1950. – 483 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 22.10.2022

Received October 22, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

Решение о публикации материала принимает редакция в течение месяца с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакции или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии (слепое рецензирование). В течение месяца после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакции журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Порядок направления статей в научно-практический журнал «Вестник юридического факультета Южного федерального университета»

Статьи предоставляются в электронном виде на сайте <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/> через окно «Отправить материал».

1. НАЧАЛО. После процедуры регистрации или входа в систему необходимо выбрать язык, раздел, а также Вы должны прочесть и подтвердить требования к отправляемому материалу. Дополнительная информация указывается в комментариях для редактора.

2. ЗАГРУЗКА МАТЕРИАЛА. Вторым шагом необходимо загрузить материал, состоящий из следующих обязательных отдельных компонентов:

УДК

Метаданные. Метаданными статьи принято считать следующую информацию, представленную на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод):

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Сведения об авторах (соавторах): фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень или научное звание (если имеются); место работы и должность, должность; место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса); email.

Текст статьи

3. ВВОД МЕТАДАННЫХ осуществляется на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод)

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Список авторов
- Литература / References

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

5. ОТПРАВКА

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word

Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14

Межстрочный интервал – 1,5

Абзацный отступ – 1,25 см

Поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см

2. Аннотация – 1000–1500 знаков / 150–200 слов, ключевые слова – не менее 5.

3. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений – 5–6 страниц. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики, – не менее 60 %.

4. Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

5. Ссылки оформляются в **квадратных скобках**, например [1, с. 44], то есть Источник №1, страница № 44.

6. При оформлении **литературы** используйте ГОСТ 7.1-2003 БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ. Общие требования и правила составления. Принцип подачи литературы в списке **АЛФАВИТНЫЙ**. В список не включаются источники, не цитируемые в работе! Оформление списка литературы согласно требованиям – **обязательно!** **Подробные Правила оформления списка литературы можно посмотреть по ссылке <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/index.php/Vestnikurfaksfedu/information/authors>.**

7. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах *jpg, *tiff с разрешением не менее 300 dpi в палитре Grayscale. В тексте обязательно должны присутствовать **ссылки на рисунки и таблицы**. Иллюстративный материал должен быть **пронумерован**.

Рекомендуется придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.
- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.
- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

Редактор А. В. Стахеева
Оригинал-макет А. В. Стахеева
Дизайн обложки А. В. Киреев

Подписано в печать 15.12.2022. Выход в свет 15.12.2022
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 16,95
Заказ № 8772. Тираж 300 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66

